

18+

Классический роман

ТРОСТЬ

Эндрю Кларк

Эндрю Кларк

Трость

«Издательские решения»

Кларк Э.

Трость / Э. Кларк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510005-4

XVII век... Священная Римская Империя в упадке после Тридцатилетней войны, а среди крестьян назревает недовольство и смута. Произойдёт ли бунт? Откроется ли свобода несчастным под заревом великого Гогенцоллерна? Ведь в этом замке ничуть не меньше скрыто таинство, полотно лжи и мрака, в котором замешан сам граф Генрих фон Леманн. Он гениальный человек своего времени, однако несносный кретин и болван, который вдруг решается найти для себя любовь. Данный сюжет романа не является историческим.

ISBN 978-5-00-510005-4

© Кларк Э.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	10
IV	19
V	26
VI	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Трость

Эндрю Кларк

© Эндрю Кларк, 2020

ISBN 978-5-0051-0005-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

В конце сентября, перед трепетным зарождением нового, золотого, красочного месяца наступили внезапные холода, какие были свойственны только крайним северным побережьям раздробленной Священной Римской империи или же Норвегии. Над слегка подмёрзшей землёй почти каждый день расстилался белый перистый туман, а под вечер вплоть до самого утра, иногда прерываясь, моросил хлёсткий дождь, размывая своим постоянством межпросёлочные дороги и разводя в них вязкую грязь, в которой застревали не только тяжёлые торговые возы и телеги, но и обычные экипажные кареты. Ещё бывало так, что тихий и довольно спокойный ветер, следующий со стороны снеговых Альп, нахрапом поднимался ледяным вихрем и начинался слабый, но довольно страшный ураган. Он вяло раскачивал сухие верхушки седеющих золотом дубов и юных вечнозелёных елей; гремели по ночам железные и керамические кровли крыш, взвизгивали скрипящие оконные рамы, а незапертые двери то и дело нерадостно хлопали по каменным или же деревянным стенам крестьянских зданий, в трубах которых бушевал гневный вопль.

В 1650-х годах после религиозно-кровопролитной Тридцатилетней войны за гегемонию в Священной Римской Империи почти по всей её разграбленной территории настала послевоенная скорбная тишина. Но до этой тоски, прошедшим летом ещё больше обострился монетный кризис, и среди многих скупых крестьян пролетали грязные слухи о том, что вот-вот произойдёт великая революция или ещё лучше – государственный переворот. И буквально все с этим соглашались, однако дальше слепой идеи и концепции дело не продвигалось.

Упадок прогрессировал, увеличивая границы между богатыми и бедными, а цены на разную продукцию, даже на самые необходимые продукты приобретали небывалый рост. Странно, но почему-то именно в этот день – двадцать восьмого сентября – погода сказочным образом утихомирилась и даже переменилась. Наступили безмятежные безоблачные деньки, да такие ясные и солнечные, что этому мог позавидовать даже самый тёплый и светлый месяц – июль.

На пустынных русых полях возле старого хлебного города Хехингена растянулись длинные, блестящие слюдяным блеском паутинные пряди, случайно цеплявшиеся за желтовато-красные листья дубов, клёнов, за колючие стебли дикой безъягодной малины, прораставшей везде, где нужно и где нет. Люди юго-западных здешних мест больше всего были подвержены нападкам военного движения французов и в послевоенное время находились на остром краю бедности. А мужчины Хехингена, славившиеся в своих узких кругах своей особой выносливостью и силой, были вынуждены искать себе тяжёлую альтернативную работу, которую так удачно предложил туличный загадочный граф Генрих фон Леманн.

Тень мрачного графа уже много лет соприкасается с роскошным и таинственным замком Гогенцоллерн, и он не часто переступает его порог. Эта древняя каменная крепость располагалась в двух километрах от близлежащего малого городка Хехингена. А на высоте семьсот метров величие серого готического замка, словно коршун в своём поднебесном гнезде, открыто восхваляло себя на холодном неприступном утёсе одноимённой горы, чей крутой склон славился невероятным разнообразием видов деревьев, окруживших замок своим упоительным великолепием.

В военное время он успешно сыграл роль защиты плодородных земель империи от враждебного натиска западных противников. Тогда по просьбе графа из ближайших торговых столиц, которые также были подвержены нападениям, к нему послали около пятисот мушкетёров и пехотинцев, дабы сдержать предстоящий штурм. Замок выполнил свою задачу, а Генриху почётно присудили ордер защитника крепости. Крепости, чья территория была окружена неприступной, но, к сожалению, частично порушенной и разбитой от артиллерийского штурма каменной стеной. Нижняя часть этой ограда имела дополнительное металлическое утолщение,

чтобы стены не размывались от постоянных ливней, однако в последнее время и оно стало подводить.

Широкая ветвистая подъездная дорога ведёт нас прямо к замку, где сразу же за огромными двойными воротами, хрупко-деревянными, с чугунными вставками впереди и со стальными решётками позади, расположилась круговая дорога, ведущая на второй, более живой ярус замка. Там, прямо перед глазами, откуда не возьмись возникала маленькая католическая церковь, окружённая вдоль и поперёк стенами замка и вечно синеющими фиалками, от которой по праздникам доносился тонкий трезвон небольших колоколов. А вдоль ограждённой стены, перед вторым арочным проходом, на небольшой возвышенности, за церковью в ряд стояли древнейшие скульптуры всех прежних владельцев замка Гогенцоллерн, но не было самого графа Генриха вон Леманна и его давно усопших родителей...

Днём строения столь величественного замка сладко утопали в яркой зелени, постепенно принимающей рыжеватый окрас, и тем самым неохотно покоряясь извечному закону природы. С фасада по обыкновению прославлялся прекрасный розарий – граф очень любил и славился им, бережно хранил и вечно прохаживался в глубоком расстройстве и отчаянии, когда из-за похолоданий эти нежные цветы прекращали свой радостный цвет. В том маленьком закутке были представлены розы различных цветов, оттенков и сортов, даже самых редких, как считалось в Европе на тот момент, – тёмно-малиновых, почти что чёрных, таинственных... Они были отделены ото всех небольшими колоннами и ветвистым диким виноградником и роскошным чистым, рядом протекающим родником. Мало кто знает, что эти благородные, словно тень немецкого короля, цветы служат не только драгоценным украшением для мрачного замка, но и для его извечного благоухания, для того, чтобы напоминать всем земным существам о несправедливой скоротечности и хрупкости многих жизней.

Издали Гогенцоллерн кажется таким загадочным и таким опасным в своём архитектурном величии, но забавно то, что если приблизиться к его грязному порогу, к металлическим воротам, то ощущение опасности быстро сменяется в беспринципно лучшую сторону – благоговением к мощи его каменных стен. Гогенцоллерн давным-давно потерял свой первоначальный облик и единую концепцию постройки, ведь замок раз десять, не меньше, перестраивали, реконструировали и всячески дополняли окнами, балконами, зданиями, домами и особым декором.

Его основное здание состоит из большинства старых и нескольких новых готических пристроек и перегородок разной высоты и ширины с остроконечными пиками на керамической серой, отдающей болотной грустью крыше, с ветвистыми узорами на стенах. А его массивные коварные решётки, повешенные практически на всех узких окнах, страшат и манят взор каждого жителя Хехингена. Они, подобно вечному сну, делают замок невзрачным в плане восхищения его красоты, однако это так же воспеваает его как грозного величественного правителя без капли сострадания в душе.

По ночам в подземных казематах, кротко выглядывающих из-под стен в одинокой горе, вход в которые расположился со стороны внутреннего дворика, горел яркий свет, отчего интерьер деревенских жителей только возрастал, а после войны стали слыть легенды о том, что в тех темницах тёмный граф жестоко пытал и издевался над своими французскими пленниками. И именно об этом шла речь местных особ в одном из маленьких бревенчатых питейных заведений Хехингена под вполне обычным неброским названием «Старый Дворик».

II

– Да ладно тебе, дружище, ну, чего ты боишься? Комеражей? Пустых слухов, сплетен? – громко на весь салон отвечал толстый фермер своему крепкому, уставшему от трудной работы другу-кузнецу, кротко попивавшему полулитровый деревянный стакан живого пива. Однако кузнец был не из болтливых и всё время увиливал от нарастающих вопросов. – Поработаешь, потаскаешь камня, поколотишь там чего-нибудь эдакого, поделаешь вид, что что-то делаешь, и всё – делов-то? Проще пареной свёклы!

– Так, это тебе так просто, а мне даже от вида этого замка как-то... не по себе...

– Не по себе? Тебе-то? Ты посмотри на себя! Я таких верзил не видывал в жизни! Тело мощнее скалистых гор, плечи, словно степные барханы, а мышцы твои прочнее стали и шире моего живота! А ты боишься разрушенного замка?! – на последнем вздохе вытянул каждую букву брюхан и залился на всю трактирную лавку продолжительным тонким смехом, напоминающим подобие крика большой птицы, наевшейся забродивших ягод. Он, придерживая руками скачущий из стороны в сторону живот, скрывал от лишних взоров свои красные от хмеля пышные щёки.

Кузнец прикрыл потной ладонью низкий лоб и изредка поглядывал на людей, сидящих вокруг. Но ими особо никто не интересовался, видимо, такая шумная пара ещё не верх происшествий в данном заведении. Через некоторое время собеседникам без особой оглядки подошла весёлая пожилая кельнерша в зелёном платье и в белом традиционном переднике, с перевязанным по краю крестом из коричневых нитей. Её внешность не была столь интересной и привлекательной, и даже изредка напоминала более восточную, нежели северную национальность. Нос с большой горбинкой, вся кожа смугловатая и опущенная от старости лет, волосы тоже не шибко светлые, а глаза и подавно под слабым освещением приобретали чёрный оттенок. Она поставила на их стол две деревянные кружки пива, из которых сочилась нежная пористая пенка. К тому времени толстяк слегка утомился и, неловко поправив свой позолоченный пояс, развернулся пузом к неожиданной гостье и к её хмельному подарку.

Дама кротко взгляделась в ярко-бронзовые глаза двух недавно о чём-то споривших молодых товарищей. Они были явно удивлены происходящим и ждали ответа от кельнерши, и она, вытянув свою сухую старческую шею, поправив белую сеточную шапочку на слегка поседевших волосах, уселась за их трёхместный столик, который находился прямо на середине трактира под металлической люстрой, оснащённой шестью свечами. Был далеко не вечер, однако они всё же капали своим жарким воском на подставленные блюдца и создавали приятный, ничем несравнимый аромат.

– Извините, но мы не заказывали это пиво, – косолапо супротивился фермер, поглядывая на своего столь же непонимающего друга, но он был явно не против отведать ещё одну порцию пива.

– Ох, господа, примите это, как за счёт заведения, только тс-с... – прошептала столовая дама, поправив светлый, выпавший из-под шапочки локон, и, отодвинув пиво к недоумевающим, пронаблюдала за их пассивной реакцией: кузнец одним махом, не раздумывая, влил в себя принесённые пол-литра даже ничего не почуввав; фермер лишь только после того, как выпил его собеседник, медленно вдохнул свежий хмельной аромат и, не найдя в нём подвоха, сделал кривой глоток и отставил стакан.

– Признаюсь вам, мои молодые люди, я подслушала ваш разговор о замке Гогенцоллерне и о самом его правителе – Генрихе, и хотела бы вас в кое в чём подправить. Видите ли, моя дочь прислуживает тому графу уже вот целых десять лет, и дело в том, он никому не разрешает просто так входить или выходить за стены замка без его полного веления. Однако однажды как-то вечером я всё же подкараулила свою дочь, вышедшую из крепости за летним побо-

ром малины... Это было рискованно, ибо моё вмешательство могло бы стоить ей её работы, Но вы бы видели её счастливое, всё ещё молодое личико, ах, как она была рада видеть меня и поведать мне всё о своей нелёгкой жизни в замке... О том, как она каждый день выполняла сотни разнообразных услужливых действий надзирательницы: от полировки латных доспехов до рассказа вечерних баллад для графа. И она почти целый час трезвонила мне об невероятном укладе замка, о том, какой он великолепный и красивый, что я даже решила, что она слегка... ну, того – сбрендила. Но это было не так, моя дочурка вполне осталась всё такой же лапушкой и умницей... Эх, поскорей бы настал тот момент, когда я смогу вновь увидеться с ней...

– Эм, и что же вы хотите этим рассказом сказать? – спросил кузнец, повернув тонкой бровь, и в тот же момент отставил пустые, допитые им же кружки.

– Может, друг, она хочет сказать, что Гогенцоллерн не такой опасный, как он есть на самом деле? – проявил внезапную дедукцию фермер и гордо пригладил свой двойной подбородок.

– Да-а, но... Но есть и другая проблема – это сам граф, – снова перешла на шёпот старушка и спокойные взгляды попивающих вновь забегали от недопонимания.

– А что с ним не так? – мгновенно подхватил затаённую манеру речи фермер, наклонившись чуть ближе к кельнерше.

– О-о-о, он окружён тайной ничуть не меньше, чем сам замок... А вы знаете, сколько ему лет?... Вот-вот стукнет полвека! Да-да, клянусь...

Друзья неловко переглянулись и, вместе пошмыгав носами, залились неудержимым хохотом, входившим в унисон с пьяным хоровым стоном сидевших возле стойки мужчин. Они долго не могли успокоиться, чем и ввергли в смущение и обиду саму рассказчицу. Внезапно визгнул фермер, протирая свой правый заслезившийся янтарный глаз:

– Так вон ты погляди, моему батюшке под восемьдесят было – только два года назад похоронили!

Небольшая стайка тёмных стрижей за окном вспорхнула с деревянного насеста.

– Да за что же вы со мной так!? Я же недосказала вам, вы не дослушали меня... Сам граф бессмертен! – вспылила старушка, и обиженно встала из-за столика и ушла на кухню, оставив у молодых людей неизгладимый осадок, повергнувший их в глубокое раздумье.

III

После очередной влажной осенней недели, когда все редкие берёзовые участки империи облысели, а все рослые дубы скинули свой пылкий весёлый окрас, уступив место для безысходной философской грусти; и когда осенний побор яровой пшеницы и ржи был полностью скошен и собран, на главной просторной площади, переполненной ветхими тележками с добром и жителями, готовыми торговаться друг с другом, образовалась небольшая ярмарка.

Под слепым от туч солнцем, со стороны каменного мостика, отделяющего город от волнистых полей, вышел кривой низкий старичок с выделяющимся большим носом и с каким-то желтоватым тухлявым листочком в руках. Он медленно передвигался и боязливо обходил большие скопления людей, пугаясь буквально каждого косога взгляда и спотыкаясь буквально о каждый камешек, лежавший на слегка гнутой природой площади. Старик подошёл к её середине и встал возле каменного колодца с деревянной двускатной крышей, и нервно вперился на собравшуюся вокруг него настороженную толпу. Вестник в ветхом одеянии в очередной раз осмотрел всю толпу и, переступая с ноги на ногу, достал позолоченный монокль из своего широкого кармана тёмного, почти что доходившего до тощих колен пальтишка с огромными пуговицами на манжетных рукавах и с нашивкой в виде чёрного креста на серебряном щите на правом и левом узких плечах. Украдкой с третьего раза он засунул линзу себе под тёмный глаз, при этом скорчив странную, но очень смешную физиономию, расправил листок дрожащими руками и робко начал своё чтение:

– Внимание, всем внимание! Я – бессменный герольд графа Генриха фон Леманна, властителя великого замка Гогенцоллерн и истинного покровителя непременно прекрасного Хехингена! И сейчас я, как и на прошлой неделе, зачту вам его известие и приятное для многих выгодное предложение... Прочту для тех, кто, конечно, не слышал...

Старик снова прищурился в лист, а жители приумолкли в ожидании. Пожилой долгое время корчил смешные неспециальные рожицы, открывая на обозрение всё его сухое бедное лицо, слабые скулы, которые порой не держали круглую челюсть, а попросту давали ей возможность свободно парить, тем самым приоткрывая малиновый рот с дрожащими тонкими губами и кривые мелкие зубы, наличие которых было подозрительно велико. Низкий лоб отчетливо погряз в морщинах, как и значительная часть его худощавой шеи, однако не смотря на старость и робость лица герольд обладал поистине огромной энергией, которая частенько высвобождалась в вольных движениях, больше походивших на нервные припадки. Некоторые жители, которые, вероятно уже слышали обращение или же попросту не интересовались им, принялись расходиться в новые потоки жизненного уклада, добровольно обрекая себя на извечную суету.

Началось громкое чтение письма от лица графа:

«Обращение к крестьянам! Внимание, добрый народ, несколько дней назад в мой замок Гогенцоллерн завезли большое количество камня, извести, гранита, песка и качественных инструментов. Но к моему глубочайшему сожалению, у меня попросту нет людей, способных заняться столь непосильной задачей, как реставрация разрушенных во время осады стен и башен. И поэтому я, Генрих фон Леманн, пишу указ о том, что тот, кто к завтрашнему утру явится к воротам моего Гогенцоллерна, получит щедрую предоплату – один золотой пфенниг. А тот, кто будет продолжать работать не покладая рук и закончит всю работу к первому месяцу зимы, получит от меня двадцать золотых! Однако смею предупредить всех отчаянных золотоискателей, что тунеядцам здесь придётся очень трудно...»

По площади раздался одновременно удивлённый и радостный гул и вой жителей, желающих свободно нажиться. Однако легкое и непринужденное предупреждение проявило свою сдерживающую силу. И также многие задавались вопросом: почему граф не решился силой заставить крестьян работать, зачем столько поблажек для простого народа, не уж-то чего-то

боится. Однако ответ на эти вопросы мы вряд ли поймём. Не страстен был граф освещать свои планы и идеи. А тем временем каждый житель мелкого города переглядывался друг с другом до тех пор, пока старичок вновь не встрял в массовую дилемму, дополнив пару слов в донесение своим дрожащим голосом:

– И да, рабочие, ещё кое-что недосказали вам: не забудьте брать с собой еду – никто не собирается вас там кормить!

– А вода? – послышался насущный вопрос из толпы. – Как же вода? Где пить нам?

– Вода есть... и об этом волноваться не стоит.

На этом чрезвычайно краткий распрос жителей закончился, после чего графский герольд свернул листок и вместе с моноклем сложил все свои принадлежности во всё тот же шершавый карман. Толпа постепенно расходилась в прежние группы людей – по своим истощённым торгашеским делам.

Старичок ещё пару минут простаивал на площади, покачиваясь от ветра, словно кривая осина, внимая все совершаемые действия людей и вникая в их почему-то немного изменившуюся манеру речи – более бранную и резкую. Он осторожно прошёл мимо жителей, аккуратно осмотрев цветасто-блеклые наряды и одежды каждого; их быт и совсем не изменившиеся со времён Карла IV дома, очень схожие своим крепко-клетчатым строением и чётким, выверенным расположением на дома Тюрингии-Франконии – высокие, с множеством деревянно-сенных скосов и подгнивающим краснокирпичным корпусом. Часто на фасадах этих зданий стояли мелкие деревянные крепления и перепонки, предназначавшиеся для защиты от буйных ветров, однако в последнее время они стали отходить на более декоративный в своём роде план, а чем старше был дом, тем чаще он страдал от гниения.

Через мгновение чем-то напуганный герольд, (было не ясно чем именно напуганный, однако после слышалось свободное мяуканье чёрной кошки) просто-напросто исчез, испарился, будто пеплом развеявшись по ветру – улетел молниеносным чернобрюхим стрижем в узкую щель мрачного замка, обогнув вечно работающие чёрные мельницы со светлым кирпичным фундаментом и пшеничные, постепенно затухающие поля.

День быстро испарился, и мгновенно вспыхнуло утреннее солнце, нахрапом сдирая с голой земли чёрное полотно прохладной ночи. Этим утром, как и было велено указу графа, за воротами образовалась большая куча людей. Около сотни, не меньше, но пока они поднимались на гору, на лицах многих из них уже появился потный красный след.

Толпа мужичков – все почти одного среднего возраста – уселись на ближайшие срубы леса и поваленные сухие деревья возле ворот. Закричали первые петухи. Через полчаса томного ожидания под устрашающими потрескавшимися стенами врата, не без помощи двух худых пикинёров в красочной мирной красно-жёлтой одежке, вооружённых пятиметровыми пиками, трепетно открылись. И к удивлению мужиков, вместо желаемого графа перед ними снова объявилась фигура того самого вчерашнего странного и запуганного старичка с площади. Но в этот день он был вполне радостен. На голове герольда прилегал серый французский баррет, из-под которого изредка выглядывали его белёдые локоны. Но кроме этого дивного головного убора в его образе практически ничего не поменялось: длинное чёрное, постоянно закрытое на нижнюю пуговицу пальто чем-то походило на облегающий всё его скелетообразное тело жакет; золотая цепь старинного монокля, выглядывающая из неприметного грудного кармашка; под пальто виднелась красная льняная рубашка, заправленная под чёрные мушкетёрские штаны грубого кроя; и узкие, лакированные до блеска башмачки, носы которых часто выдвигались вперед и в основном не по воле своего властителя.

Старик благоприятным движением, схожим на поклон, пригласил рабочих за стены замка и сразу же указал им на чистый родник для их будущего питья, прорастающий возле дикорастущего виноградника; подал все указания, всё сырьё и инструменты: кирки, совки, ведра, винты из хлопка, деревянные и металлические молотки. Указал на главную суть проблемы

и распределил рабочих по небольшим группам в места, которые были более подвержены нападению противника и искажены напастью природных условий: первое – башня, находилось возле ворот и края большой внутренней стены; второе место и участок вели в совсем другую сторону – за несколько десятков метров от ворот, там, в левой части замка, стена была полностью пробита, а все расколотые огнём камни до сих пор находились в нижней части горы; третье место – возле второго, самая красивая часть здания – готическая колокольня с разбитым низом и торчащими над дверью в колокольню осколками медных ядрышек; и четвертое, последнее – разбитая верхняя часть стены и главное массивное здание над закруглённой стеной, из металлических оконных решёток которого блестел любопытно острый взгляд графа. Генрих целый день поглядывал за тем, как идёт строгое распределение сил рабочих на восстановление его замка, и лишь к туманному тихому вечеру, спокойствие которого заставляло сердца замирать от восхищения, исчез в крупных каменных стенах остроконечной цитадели.

На следующий день после полученного аванса в точно такое же время, после пения петухов, открылись ворота в замок и мужики, уже толком знающие своё дело, распределившись на небольшие группы, принялись за работу. Всё шло как по маслу, ничего не предвещало беды, всё рабочие сказочно быстро и ловко справлялись со своими обязанностями. Но в первый же час после полудня один из рабочих случайным образом рассёк крепким камнем свой немецкий скошенный лоб после очередного удара наострейшей кирки по стене. Он свалился, точно мертвец, и только через минуту опомнившись, его товарищи, схватив тряпочные бинты и смочив рваную рану водой, крепко перевязали его голову и под гнётом старика оставили раненого ютиться возле разбросанных камней. Тот долгое время не мог оправиться от неожиданного удара и даже промолвить слово удавалось с трудом. Такой расклад вещей не понравился старичку, и он, сверкнув острой седовласой бровью, грубо вручил раненому чеканный пфенниг и сухо выразил приказ, чтобы тот больше не подходил к замку, даже на милю, и поспешно вышвырнул его.

Через несколько часов, перед непродолжительным отдыхом, безымянный старик собрал всех подле всё того же родника и, протяжно зевнув, промолвил:

– Все знают, все видели, что произошло с вашим товарищем, который только что покинул Гогенцоллерн?.. Да, знаете... хорошо. Так знайте и вот что: стены этого замка прокляты – на них лежит таинственная печать безымянного рыцаря... Какого рыцаря? А никто не знает, существует только легенды и слуги о нём... Хотите я вам поведаю одну из этих легенд? – не дожидаясь ответа, старик продолжил:

– Однажды... в десятом веке во время пробивного штурма противника, не знаю какого именно, возможно, то были венгры, однако не важно. Во время пробивного штурма тот рыцарь, чей безымянный лик теперь покоится в легендах, вместо мольбы о помощи бога обратился к дьяволу с просьбой дать ему могущество и невероятную силу, дабы одолеть численно превосходящего противника, взамен на его душу. Дьявол в тот же момент услышал своего последователя и в тот же миг исполнил просьбу, однако Всевышний заметил сей грешный союз и навёл грозные тучи на Гогенцоллерн. Когда все союзники скрылись под крепким зданием от множества разрушительных ударов молний, рыцарь продолжал свою битву, единолично уничтожая тень каждого противника, руками разбивая ядра, глазами искажая лик врага. В какой-то момент горячий небесный заряд пал в него, и рыцарь замертво рухнул в предсмертной агонии, проклиная всех и вся... Позже от той самой молнии пошатнулась башня, стоящая неподалёку. В итоге отвалившийся камень от башни отлетел и добил грешника, а основная глыба посмертно накрыла собой большую часть венгерских кочевников. В той битве Гогенцоллерн одержал победу, но... все трупы союзников, и даже того грешного рыцаря, решили закопать под вновь возведенными стенами замка. Однако не многие знали, что это плохая идея... Ныне беспокойный дух рыцаря, совершившего страшный союз с Дьяволом, навеки бродит в сте-

нах этого замка, постоянно скуля от отчаяния... нарекая каждого, кто нарушает его покой, на мучительную смерть...

Старик на секунду прекратил свой сказ, дабы восстановить горло маленьким глиняным стаканом родниковой воды, но так же скоро продолжил:

– И хочу предупредить вас, видимо, мои донесения на площади были не столь эффективными и понятными. Если вы, крестьяне, продолжите свою работу над этими стенами, разрушая и укладывая их, то, возможно, некоторые из вас получат серьёзные увечья, и это будет намного серьёзнее разбитой головы. Вам это понятно? Никто, случаем, из вас не передумал?... Хорошо. Очень хорошо... – закончил старик после молчаливо лаконичного ответа. – Тогда все за работу! Живо-живо! Не ждите подачек в чужом доме.

Очередной день безмолвно прошёл и, преодолевая свою боль и вселенскую усталость, рабочие мужики безмолвно разошлись по своим домам, рассказывая каждому встречному о случившемся инциденте в замке, усиливая негодование и страх перед зловецим и таинственным замком. На следующий день травмоопасный случай снова повторился, но только в этот раз молот... он от сильного удара по камню соскользнул прямо в ногу коловшего и моментально раздробил её. Скандальный старик вновь разгорелся в ярости и, кинув несчастному дорогой бинт, палку для ходьбы и золотую монету, выпроводил его прочь из замка. И после того как герольд снова прочитал рабочим вчерашнюю лекцию о духовном проклятии, пятеро мужиков всё же согласились и покинули злорадные стены недоброжелательного замка.

Дальше работа продвигалась своим чередом. Оставшиеся работать считали дни до окончания месяца и не могли дождаться своего щедрого вознаграждения, и на радостях один из мужичков начал насвистывать под вздёрнутый нос знакомую многим мелодию. Она напоминала морское фольклорное шанти, только без моряков, да и без особых инструментов, разве что уравновешенные и чёткие удары молотков и кирок. Запели все, и подпевали даже те, кто знали напева. Словно в мгновение ока к концу дня половина стен была вновь возведена. Под вечер увядавшего месяца старик, как обычно, прошёлся по разрушенным пунктам Гогенцоллерна и был приятно удивлён – половина всей работы была закончена раньше его наивных и даже самых смелых предположений. Соченная челюсть герольда колоссально раскрылась, показывая рабочим свои радостные, желтоватые от старости зубы. Старик в новой шубке, словно сумасшедший, помахал руками в разные стороны и, так же продолжая размахивать, забежал в башню, в стене которой пока ещё торчали медные осколки. А буквально через пару секунд он возвратился, и в его бледных ладонях горели и трепетали алчные монетки. Он потряс их перед уставшими сморщенными лицами, приговаривая о том, что за столь быструю работу, выполненную на несколько дней раньше назначенного срока, они могут получить прибавку к зарплате в пять монет.

Рабочие приняли изменение положения, но после вечернего перекуса никто больше не взялся за работу – мышцы горели и ждали, когда их трудный, продуктивный день наконец-таки закончится.

Так, через несколько дней была починена и частично очищена от плесени вся левая стена колокольни, а чрез неделю такого упорного труда были возведены новые стены, которые сразу же после их устройства стали сильно выделяться от старых своим тёплым первоосновным сиянием. Осталось закрепить один лишь каменный блок, и эту почесть единогласно решили вручить самому молодому – Францу – двадцатилетнему сыну толстого фермера.

Франц легкими скачками воздвигнулся на назначенную им высоту и, подняв отточенный ровный камень, горделиво взглянул на стоящих внизу мужиков ярким выделяющимся голубым взглядом, и в этот момент его несмышлёная голова закружилась. Ровный, бледный и блестящий от солнца нос мгновенно принял красный, налитый кровью окрас. Сын фермера пошатнулся, а его и до того мелкие зрачки за мгновение сузились, он увидел, как старик превратился в маниакально улыбающегося скелета с бездонными глазами и с тонкой прогнившей кожей,

но все вокруг всё так же радостно переговаривались с ним, не замечая его уродливого облика, нарочно пугающего стоящего на стенке. С красивого и ухоженного лица Франца потекли ручьи жгучего пота, а его тонкая, еле выглядывающая вена, которая заходила за его выразительно резкие скулы, постепенно раздулась по небывалых размеров. Казалось, что его вот-вот настигнет солнечный удар. И это наконец заметили остальные. Кто-то проявил первые шаги по спасению сына фермера, однако было поздно...

С писклявыми, затухающими от бессилия криками и земляным грохотом юнец опрокинулся спиной за возведённые стены замка, и вместе с огромным камнем, попутно собирая хрупкие колючие кусты малины и острые, торчащие из-под земли камешки, бесконечно падал вдоль горы. Он кубарем, с непрекращаемым хрустом костей, пролетел полмили, пока окончательно не врезался в голый и одинокий дуб, с которого опали последние листья, укрывшие мертвеца природным полотном.

Мужики со смешанными лицами забрались на стену и встали подле её края и, с ужасом вглядываясь вдаль, осматривали багровые разорванные следы от тела, распластавшиеся на вянущей траве. Они молчали и боязливо переглядывались, и лишь старик нашёл место, куда можно было вставить свою остроумную фразу и задорно произнёс:

– Эх, жаль, что камень разбился – придётся новый стругать!

– Что? – послышался недовольный и гневный голос от одного из рабочих. – Какой к чёрту камень, вы разве не видите – человек только что погиб! Разбился с этой проклятой горы!

– Ну, погиб да и погиб, что с того? – беззаботно ответил старик, слегка подтянулся, и в тот момент было явно различимо то, что он не очень-то и серьёзно отнёсся к хоть и грозному, но всё же по натуре доброму человеку, ведь голос недовольного рабочего напоминал ребяческий и слегка разил картавостью, – Обидно краток срок земного мира, чтобы заострять на каждом таком человеке своё жалкое внимание...

– На каком «таком» человеке? – Светлые глаза спорящего раскрылись и тот, стараясь держать самообладание, что изначально получалось, изредка начал наступать на тень старика.

– Ть... Хорошо, скажу... Эгоистичном, злом, тщеславном, лицемерном, жадном и скупом, прямо как и его отец.

– Откуда... откуда вам всё это знать? Откуда знаете Франца и характер его отца? Я что-то не видел вас в нашем городке...

Старик замолчал и только через несколько секунд придумал своё лживое оправдание, если это можно так назвать:

– Ганс, милый Ганс, я много чего знаю... В этом всё и сказывается... И тебя... я тоже знаю. Ты – внебрачный сын плутовки и бельгийского купца, – улыбочиво оскалился старик, не ожидая, что тот, с кем изначально не заладилось его общение, грубоотреагирует и за секунду выбьет первый старческий моляр и, не уgomонившись на этом, схватится за волчий воротник его шубы. Заладилась гул и бурное движение, однако никто из мужиков не собирался оттащить Ганса от старика. Видимо, их была на то причина.

– Если ты не заткнёшься, – дёрнул Ганс и, пренебрежительно отнесшись к почётному званию старика, перешёл на более приземную речь, – то через секунду окажешься на месте Франца! – прорычал юнец и одним движением выставил старика за край, что у того аж слетел его фирменный баррет и, словно подстреленный ворон, рухнул наземь. Но тут за старика всё же вступились наблюдатели сей ссоры, однако больше всего они опасались не за жизнь герольда, а за денежную выплату за проделанный труд.

– Успокойся, Ганс, не надо этого делать, пускай сначала он заплатит нам за работу, а уж потом устраивай разборки с ним!

– Да, Ганс, успокойся, пожалуйста... Что это на тебя так нашло? Ты же не такой человек, ты не убийца! – вдумчиво и размеренно прошептал старик, подняв свои руки над головой,

но в его голосе прослеживалась доля ехидности. – И ты же не хочешь остаться без денег, а? Ты ведь так упорно трудился – лучше всех, клянусь!

Молодой неловко шмыгнул своим широким брутальным носом и поставил обратно пре-спокойного старика на твёрдую поверхность. Послышался сиплый странный голос из цитадели, который можно было бы спутать с дуновением ветра, и старец, растолкав толпу вокруг себя, рванул к дверному проходу, откуда наполовину виднелся тёмный мрачный силуэт – вероятно, того самого графа. В том проходе можно было разглядеть лишь его длинные кожаные лакированные сапоги, и изредка проблёскивал металлический кончик трости. Мужики не верили своим глазам, что в нескольких метрах, скрывая своё лицо, стоял сам Генрих фон Леманн. На мгновение они даже позабыли о том, что ровно минуту назад с пятидесятиметровой высоты сорвался их дорогой товарищ. Весь их мир устремился на грубо басовый, казалось, только что проснувшийся голос, который, если хорошенько прислушаться, ругался, выражал злость и говорил своему герольду о том, чтобы он поскорее отдал рабочим их плату и выпроводил их, пока не стало ещё хуже.

Последняя фраза больше всего насторожила рабочих – они все вместе заодно спустились на землю и, будучи очень любознательными, спросили об этой ссоре подошедшего грустного, отчитанного начальством старика с открытой тяжёлой мраморной шкатулкой, в которой с горкой были насыпаны золотые пфенниги и ручные мешочки. Он не ответил ни на один из заданных вопросов и даже на задиристые подколки не дал свой столь же обидный ответ, а лишь с покрасневшей головой отсыпал каждому столько, сколько и было заключено в устном договоре, с небольшой премией. Старец додал последнему рабочему, с которым у него произошла стычка, его предпоследнее жалование и, просмотрев оставшиеся монетки, пошатнул шкатулку из стороны в сторону, дабы услышать звонкий металлический звук, а после оглянул лица довольных, обратил внимание на косой ряд стоящих мужиков, и лишь следом после того как краска с его лица спала, отсыпал оставшиеся монетки в коричневый мешочек и, лестно, тайно ото всех вручив его Гансу, проговорил:

– Отнеси эти монеты богатому фермеру – они на твоей совести...

После сказанного волшебным образом из-за спины старика объявилась стража с искусными потёртыми алебардами. Двое широкоплечих пехотинца немедля вытолкали безоружных мужиков за ворота замка, словно те – ненужный скот. А через некоторое время другие стражи принесли мёртвое тело юнца, завернутое в белое окровавленное полотно и передали его мужикам, которые хоть и в заморозки, но всё же сняли свои утолщённые рабочие шляпы, чтобы проститься с трагично погибшим Францем.

Все напуганные происшествием и самим замком, недоумевая от потери, вышли от сумрачной крепости и по кривому пути домой разделились на несколько групп. В одной из таких групп, состоящей из четырёх молодых человек – Адаларда, Йохана, Ханка и Ганса, – назрел изначально приятный разговор о после рабочем настроении:

– Эх, даже не верится, что мы закончили эту работу на неделю раньше, – томительно охнул Адалард и естественно потянулся всеми своими стальными мышцами, получая приятное облегчение. Однако сам Адалард не выглядел уставшим, а наоборот, бодрым и счастливым, беззаботным. На его лице не проглядывала даже мельчайшая капля трудолюбивого пота, хотя если бы она и возникла, то она бы точно не упустила бы свой шанс проползти между большими, но редкими бровями великана. Его желтовато-синие глаза во время беззаботной ходьбы часто пронзали сиреневое небо и казалось, что его, кроме как быстро изменяющейся погоды, нечего не интересовало. Но нет, он всё же отвлекался от беспечности и мельком обращал печальный взор на труп Франца, который несли на себе трое мужчин спереди, недалеко от них самих.

– Да-а... Однако что-то не задалось у нас с местом работ – правду о Гогенцоллерне слухи твердят, одна сплошная мистика, жуть да и только! – присоединился к разговору рыжий Ханк, чей задор и экспрессию можно было обнаружить даже в его зелёных глазах и определить уро-

вень раздраженности по его вздёрнутому носу. Он не был похож на коренного немца, однако же сам Ханк не знал своих корней и часто возмущался, когда речь заходила о его специфической внешности. Даже голос недонемца более походил на иностранный, чем на туземный, как и его манера быстро говорить. В данный момент его маленький угловатый подбородок, не обращая внимания на открытые в разные стороны локти Адаларда, яро пересчитывал кровно заработанные монеты, которые после Ханк отложил в собственноручно прошитый карман серого укороченного пальто.

– А меня вот, друзья, больше всего волнует то, как мы будем делить все эти деньги... – неожиданно для всех промолвил Ганс настолько грешную мысль и в тот же момент, не упуская шанса, прошуршал в своих плоских руках монетным мешочком мёртвого сына фермера.

– Что? Ганс, как ты вообще можешь говорить об этом, и даже думать о таком?! – шёпотом вскрикнул Йохан своим высоким голосом. Он всем своим узким и маленьким, острым недовольным лицом уставился на высорослого и хорошо сложенного друга. Маленький мышонok вцепился в схватку с полосатым котом. – Нужно немедленно отдать эти кровно заслуженные деньги фермеру! И рассказать о случившемся...

– Скорбная весть так и так дойдёт до скупого фермера... а вот эти деньги заслужил Франц, а не он... – старался мирно парировать Ганс, спрятав мешочек подальше от лишних взоров. Ровный слой зубов аккуратно выглянул из-под узких, но длинных губ. Одна из них была разбита – нижняя, проглядывался белый шрама струп. Сам Ганс говорил, что шрам вышел из-за того, что он пьяным не вписался в дверной проём собственной двери, однако это была ложь во благо. На самом же деле его массово избили слуги по приказу его господина. Но избили не просто так, а за грубость и за бездумные идеи равенства крестьян и господ, которые часто изрекал он у себя дома. Сами же друзья знали про враньё Ганса (догадались по слухам), однако не стали донимать своего друга по этому поводу.

– Ну... ребята... ну, может, хотя бы монету на гроб подкинуть?.. – заскулил Йохан, и его настойчивость против корыстной идеи и волнение перехватили все остальные. Всё, кроме Ганса, который вновь перекинул внимание на себя своим красноречием.

– Да с чего бы это нам выдавать ему хоть что-ли? У этого жабобородого борова и так полно денег, нежели у нас – простых крестьян. Я, можно сказать, уже третий день питаюсь одним хлебом, цену которого он завысил в три раза!.. А пью я только воду или эль по вечерам, оттого, что это единственное, что делает меня смелее и радостней... что делает меня счастливее и позволяет на мгновение отупеть и принять любые усмешки от жизни и общества... Йохан, мой совет: научись жить для себя, ведь в этом мире, с этой эры начнется, с этого этапа появятся лицемеры, лицедеи и эгоисты, которые будут править нами тысячи лет и управлять нашим стадным чувством, как кукловод управляет марионетками... Ты лучше сам подумай своей бараньей головой, кому деньги нужней: нам, кто концы с концами сводит, или тому, кто четвертую мельницу по счету строит?

– Э-м-м... я тут подумал, мужики, – внезапно пробасил Адалард, – а может, и правда не стоит отдавать эти чёртовы монеты, а, мужики?

– Э-эх, люди, да что с вами такое? Где мораль, где истина? Так не нужно поступать, не нужно – меня так дед учил! Поверьте в Бога!

– Да тише ты, Йохан, – прошипел Ханк, словно озлобленный гусь, приложив указательный нестриженный палец к своим розовым губам. – Видимо, тебя всему дед научил, да только не думать... – дерзнул рыжий и мигом переключился на Ганса, – Ну-с, Ганс, и как мы будем делить? Как поделим, ведь нас четверо, а монет тридцать пять?

– Эх, боюсь, братья, нас не четверо... а двадцать четыре, – Ганс аккуратно проводил взглядом впереди идущих мужиков, лица которых выражали подозрение.

– А их-то зачем считать?

– А ты думаешь, они вот так дадут деньгам исчезнуть? Старик хоть и отдал мне их в тайну, однако я уверен, что кто-то из них видел это...

– Точно, – приуныл Ханк, легко надув свои прямоугольные щёки, – совершенно помыслить забыл!

Йохан легонько засмеялся над несерьёзным проколом друга, но грубые взгляды Ханка и Ганса тут же угомонили его. Адалард продолжал разминаться. Под этим давлением благочестивые мысли Йохана внезапно изменились, и в какой-то ветреный момент он предложил решение этой возникшей проблемы:

– Ну, так-то можно сейчас, между нами, разделить, а если кто и вспомнит, и ему отсыпать...

– Ничего себе, ха, а ведь неплохо мелкий придумал! – пробубнил Адалард под свой крючковатый нос, с чем и согласились остальные.

– Тридцать пять пфеннигов на четыре – это восемь каждому... И ещё останется... целых три монеты! – без особого труда сосчитал Ганс и почесал свой неровно бритый затылок. – А куда же ещё три девать?

– Гроб. На гроб! Скажем, мол, от нас, да-да, так и скажем, и проблем не будет и уважение! – снова повысил свой тон Йохан, но в этот раз его никто не поправил.

Именно с таким решением они вошли в порушенные деревянные ворота Хехингена. Они, утаившие, озябшие от холодка, первым делом решили отметить свою получку, да так роскошно в своих задумках, что и гляди пропьют все деньги назначенные ими же на гроб...

Однако на этом их история притормаживается и наше внимание переносится на неоднозначную ситуацию в самом Гогенцоллерне, произошедшую сразу же после изгнания крестьян из стен замка.

После того как осквернённый матом хозяина старик выпроводил мужиков, он, словно подстреленный вепрь здешних мест, вновь прибежал в тёмную цитадель и начал незнамо кому кланяться – биться лбом об пол, хотя это было неприемлемым даже для слуг, приговаривая, что он вовсе не виноват в случившемся инциденте, а что-то извне обрушилось на того мальчишку.

На вершине цитадели возле бронзового метрового колокола на мало выпирающем балконе стоял понурый, но гордый Генрих в проблеске закатных лучей. Старик хотел было подняться к нему по спиральной лестнице, расцеловать ступни, приласкать, угодить, но граф одним движением руки ментально остановил слугу на половине пути и, тяжело выдохнув, нежно промолвил:

– Корбл, я кое-что осознал... мне нужна спутница жизни...

– Что, граф, как ещё спутница жизни? Вы о чём? Это снова ваши шуточки, или?.. А как же моя оплошность!? Может, повелите отхлестать меня? Повелите же, Генрих, ну же, пожалуйста!

– К глубочайшему сожалению, мой друг, мне всё равно на твой проступок, да и, к тому же, ты выполнил большую часть моего плана... кроме того, я так устал хлестать вас одним за другим, что тут хоть нанимать палача за ваши происки – вы ничему не учитесь, либо проблема в моих подходах к воспитанию... Но это сейчас не самое главное, ведь на счёт спутницы я совершенно серьёзен... Корбл, глядя на своих горожан сквозь оконные железные прутья, в столь тяжёлые дни, я смотрю и восхищаюсь их спокойствию. Не знаю, что у них там на уме, но на их лицах улыбки. Многие ходят парами и смеются, шутят, искренне улыбаются своей любви... – граф проскрипел концом трости по ржавому следу на колоколе, издался резкий жужжащий звук, от которого на секунду повело старика, – А у меня никого нет, никого... Я всю жизнь окружён лишь слугами, бывает, гостями из соседних земель, но теперь-то... Ть, даже кажется, что обо мне все забыли. А я ведь не последний человек, хотя нынче графы не ценны, можно сказать, что обузы для своих герцогов и маркизов. Чувствую... что жизнь моя теряет смысл, если в ней, конечно, он был изначально. Но теперь его точно нет.

– Господи помилуй, не говорите так граф!

– А ты смеешь мне запрещать это делать?

– Нет, нет, вы что вы, нет!

– То-то, и у тебя есть смысл жить, ведь так? Какой твой истинный смысл жизни? – спросил граф, всё ещё находясь под тенью, где изредка прослеживался его бледнолицый лик.

– Служить вам, Ваше сиятельство... – без капли лжи и лести ответил Корбл и следом поцеловал свой висящий на нити крест.

– О, я польщён, но не этого я желал слышать, однако не столько это важно, как осознание того, что настоящей любви я так и не познал...

– Как это «не познал»? Генрих, скажите, как? А как же та белокурая красавица с западных лесистых земель? Вы ведь помните ту хорошенькую девицу из Мюнстера, из Северной Рейн-Вестфалии? Она ведь дочь герцога-курфюрста Фердинанда Баварского, если мне не изменяет память? Разве у вас ничего с нею так и не было?

– Ну-с, было, Корбл, не буду скромничать, но было... Однако – обыкновенная влюблённость, страсть, что-то из этого и всё. Наивная влюблённость – не любовь. Да и к тому же её отец ещё с её рождения назначил ей помолвку с одним местным высокопоставленным прохиндеем. Так что, мой дорогой слуга, друг, я поручаю свою любовную судьбу тебе, так как ты единственный, кто меня так хорошо знает – с самого детства... Съезди по разным странам, прогуляйся, подыши свободой и под конец привези мне трёх девушек, которые смогли бы отлично сойти за роль моей жены. И начни, пожалуй, с Франции, надеюсь, что проблем на границах не возникнет... Потом через Савойское герцогство или Швейцарскую конфедерацию заедешь в Италию, точнее в её княжества, расположенные на аппенинском полуострове, в Милан, Геную, Венецию... В общей сложности, за дорогой будет следить кучер – не затеряетесь...

– Подождите, Ваше сиятельство, а закончить чьей страной? – нетерпеливо выкрикнул старик, зачем-то поглаживая свой желточный лоб.

– Ах да, забыл... Царством Русским.

Старик принял задание, и заодно пугливо кивнул, и, скрипя костями, ловко спустился вниз. Он был рад, что не был отруган, но и в то же время глубоко засомневался, что вёл разговор с именно тем графом, которого знал всю свою жизнь.

– И ещё, Корбл, – добавил граф с высоты.

– Да-да, милейший? – остановился старец, поджав хвост.

– Ты должен приехать к весне – не смей позже! Ты меня понял?

– Да, конечно, я понял вас, ваше сиятельство!..

IV

Следующим прохладным вечером, собрав непомерно огромную повозку и загрузив в неё массивный сундук со всем необходимым: тканями, женской одежды для будущих невест, едой и водой на пару дней, сигаретами для кучера, парой склянок алкоголя и несколькими чеканных монет – старичок Корбл, облачённый в тёплый синий потрёпанный временем наряд, вручил своему бородатому извозчику колесцовый пистолет, а к себе в краснопёрую колымагу взял литый из серебра мушкетон и длинноствольное охотничье ружье. Дрожащая от любого порыва ветра повозка была полностью собрана. Старик уселся поудобнее на заднее кресло и, похлопав ладонью три раза по декоративно ухоженной двери, дал кучеру понять, что пора отправляться в путь, и первым делом – во Францию. И две чёрные, невероятно красивые кобылки развивающимся шагом направились вниз по склону горы. Врата приоткрылись, и Гогенцоллерн стал потихоньку отдаляться от вмиг постаревшего на ещё с десяток лет Корбла. Старик мгновенно устал, будто бы вся его старческая подвижность осталась за Хёхингеном. И так же он с хворью в глазах стал осматривать замок. Издали тот выглядел иначе: весь его фасад блестел, отстроенная вновь стена становилась крепче, а по балконам замка ходил малозначимый патруль, и буквально каждый час он засыпал на месте, незаметно облокотившись на ребристые края стен или углов. Однако само здание – дворец, если его так можно назвать, по всей видимости, тосковал, ведь в этот вечер он расставался с самым преданным слугой, герольдом, другом, послом и учителем. Он расставался с Корблом, а так же гневно и нарочито придиричиво встречал холодный месяц...

Спустя час немой езды кучер, поправив дырявую чёрную шапку, невольно спросил старичка в маленькое окошко, ведущее в салон кабины:

– Слушай, Корбл, дружище, а ежели не секрет, скажи, а по какому такому случаю мы держим курс на Францию?

– Ох, Кейсер, друг мой светлородый, а ты ведь не поверишь, если я скажу... – Кейсе немногословно пожал плечами и стал ждать ответа. – Дело в том, что граф-то наш, свататься решил! За невестой нас послал!

– Да ну, правда что-ли? – удивился кучер, чуть смеясь, его лицо посветлело, а яркие голубые глаза на миг сошли с дороги и устремились в кабину, где сидел Корбл. – Эге, чего это он так поздно решил? Я уж думал, что он того... ну, не хочет или что-то из этого случая... Ну, Генрих, ну даёт – не прошло и полвека!

– Полвека как раз-таки и прошло...

Кучер не отпустил свой невнятный взор на задумчивого старичка, однако через секунду, снова вспомнив о дороге, протяжно ахнул и трепетно вздохнул:

– Франция, Франция, Франция – это Париж... А как же иначе? Вот только путь нужно выбрать правильный, нужно подумать... – стал вслух рассуждать кучер. – Это же на запад – через Рейн, аккуратно по мосту, где река поуже, а потом... Потом, стоп, там же сплошные горы. Ну-с, тогда нам нужно через пограничную крепость, которая граничит со Швейцарией, также через Рейн и другой мост, но нужно будет как-то договариваться с местными французскими стражами – они совсем не понимают немецкий, да и не хотят понимать, как бы от этого не словить свинцовый шарик в лоб. Корбл, а Корбл, ты хоть знаешь французский? А то я как-то... В общем, совсем беда с ним, – почесал бугристую шею Кейчер и от внезапного ветра сжался в клубочек всем своим в меру грузным телом.

– Oui, mon cocher sigéux, – улыбочиво перебил Корбл с твёрдонемецким акцентом, однако так же и с податливым картавым произношением. После чего повозка и лошади вмиг пошат-

нули от пронзительного смеха Кейсера. Его хриплый рослый голос всегда доставлял смеха больше, чем сами шутки или выражения, сказанные с долей иронии: ¹

– Ай да сукин сын, всё видел, всё знает! Вот же хитрый чёрт!

Старик сразу же, не упуская возможности, подхватил настроение своего рябого друга, который тем временем по зелёному лесистому краю объехал весь Хехинген. И когда хохот столь же внезапно, как и начался, резко утихомирился, перед Корблом, будто в последний раз, в мыслях на секундную долю, возник исчезающий вдаль Гогенцоллерн, его призрак, на который снисходил первый тёплый влажный снег.

– Слушай, Корбл, – задорно обратился кучер к другу. – А как будет «первый снег» по-французски?

– La première neige...

– Что? Правда? М-м-м... прекрасно звучит! Красиво... – быстро выдохнул Кейсер, и его желание спросить перевод того или иного слова тут же удвоилось,росло в его мыслях, однако, заметив недовольный и слегка уставший взгляд товарища, он молча, ковыряясь в подрастающей на щеке щетине, продолжил вести свой терпкий путь, глубоко надеясь, что снега выпадет не слишком много, ибо если он растает, то сельские дороги знатно размоются.

И практически весь день до алого рассвета они проехали под этим нескончаемым снегопадом, редко переговариваясь и перешёптываясь, посапывая под каретным навесом, а в случае с Корблом – любясь окружением чарующего явления природы – первого снега. Он неустанно проводил своих отчаянных путников плоть до той самой условной границы Франции и Римской империи, и словно по-волшебству развеял занавес тумана. Границей являлся талантливо выстроенный на мощных сваях мост, скрытый за густым лесом с маленьким пограничным лагерем на другой стороне Рейна. Мост был построен несколько лет назад для быстрой переправы товаров через границу, и поэтому он крепок и надёжен, а так же он находился в истоке под морщинистой горой, в одной из самых узких частей Рейна.

Наконец, прозрел горизонт и на том берегу, где был разведен пограничный лагерь, показались молодые французские лица, которые шумно просиживали за дымящим костром. Четыре французских мушкетёра-пехотинца вместе с тремя коричневатобелыми лошадьми, прикреплёнными к одинокому зелёному шатру, выкуривали одну сигарету за другой, попиливали дешёвый, но крепкий алкоголь, по типу водки, и, громко смеясь высоким смехом, играли в карты – в вист, совершенно позабыв о своих пограничных обязанностях.

Мост и его окружение были совершенно пустыми и безлюдными. Возможно, всё это из-за раннего времени суток, однако не исключением было то, что из-за войны и огромной пошрины французов многим стало просто невыгодно сотрудничать с Римской империей...

– Эй, эй, проснись, Корбл! – крикнул Кейсер и три раза ударил возле закрытого окошка повозки, после чего старик, испугавшись, словно пушечного взрыва, пробудился ото сна. – Корбл, впереди лягушатники!

– Хорошо-хорошо, поговорим с ними, что-нибудь придумаем... – тихо зевнув, ответил старик, наматывая на своё жёлтое вельветовое пальто бежевый пижамный пояс. Его выражение лица от усталого сменилось напряжением, полубелые брови сомкнулись воедино, он проверил заряд охотничьего ружья – оно было заряжено, и не забыл про мушкетон – тоже. – Но если вдруг накалится ситуация, то после того как я выстрелю, тут же что есть мочи хлещи лошадей, понял?

Кейсер вдумчиво кивнул, но на его лице проявился лёгкий испуг, и он на всякий случай тоже проверил заряд своего пистолета, висевшего у него на ремне. День был сладким и не таким холодным, как вчерашний. А над степью слегка возвысился тучный туман, вводивший мелких грызунов в беспокойство. Подобравшись чуть ближе к яркому пламени костра, Корбл выныр-

¹ Да, мой любознательный кучер.

нул лицом из правой дверцы и радостно по-французски поприветствовал всех новобранцев, вооружённых блестящими алебардами и свисающими на узких бёдрах длинными мушкетами. Один из них уже почти вплотную приблизился к повозке.

– Куда держите путь, господа? – оскалившись, быстро пролепетал один из французов, и, выгнув спину, словно змей, направил свою заточенную пику к морщинистому лицу старика и, притопнув сапогом, под которым красовались чёрные гетры, презрительно хмыкнул. Ситуация изначально приняла напряжённый характер. Француз часто чесал свои шикарные усы и волнистые каштановые волосы, а резкий спиртовой запах изо рта мушкетёра ненароком дал понять путникам, что их разговор выйдет трудным и невыносимым. Сам француз хоть и пытался принять воинственную позицию, дабы показать свою значимость, доминантность, на деле же всё выходило иначе. Он выглядел, словно пьяный, гордый и местами красивый капер, прибывший после очередного маскарадного бала, где случайно и приобрёл французскую военную униформу.

– Мы не хотим проблем, дорогие французские стражи, – прозаикался Корбл неожиданно для самого себя. С его лба, загибаясь по линиям морщинистых каналов, тянулся холодный пот. – Меня зовут Корбл и я приехал во Францию из Священной Римской империи для того, чтобы навестить мою милую племянницу Офели – она француженка, проживает в Париже, сильно больна.

– Немец, говоришь? – с колкой иронией спросил француз, пропустив всю изложенную мысль старика. – Да с таким акцентом ты больше походишь на поляка, чем на немца... Хотя ваши ровные рожи ни с чем не спутаешь! Цветом, как и ваше блевотное пиво!

Француз залился искренним золотым смехом, поглаживая свои бархатные усищи, лежащие на полных хмельных щеках, румяных и здоровых. Вслед за его выходкой подтянулись и другие. Старик чувствовал, что в любой момент всё может пойти не по плану, и он нервно, приподняв правый угол губ, наигранно рассмеялся вместе с ними. Он понимал, что такие резкие оскорбления и шутки с незнакомцами или тем более иностранцами, страны которых несколько лет назад воевали, присущи французам и вполне обыденны в их среде. А желтизна лица Корбла была явно преувеличена, вероятно, из-за того, что оно просто отражалось от увядшей рядом красной листвы. Старик слегка стих, а после небольшой паузы, не особо заглядываясь на лицо терпкого француза, продолжил умаливать просьбой пропустить:

– Я вижу, что вы хорошие парни... весёлые такие. Могу ли я продолжить свой путь? – задал он очередной вопрос и слегка отодвинулся от дверного проёма, что и в момент возмутило француза.

– Э-э-э, стой, стой, стой, – француз придержал открытую дверь повозки своей левой рукой, отведя от лица Корбла острейшую в своём роде алебарду. – Куда это ты едешь? Куда так спешишь, старик?

– Так я же уже сказал вам, что я еду к моей племяшке. Она больна, простите, что я так тороплюсь, просто и вы поймите меня, это правда! – жалобно вымолвил старик, но француз всё с таким же презрением смотрел на него.

– А как звучит её фамилия, фамилия твоей племянницы?

– Ф-фамилия? – Корбл на время встрял от такого вопроса и ещё более взволновался. – В-вы... Виен её зовут. Офели Виен, да...

Через секунду француз высокомерно, медленно и саркастично похлопал в ладоши, а затем, страшно улыбаясь своим укороченным подбородком, промолвил:

– Bravo! Прекрасно! Вижу, немцы так и не научились врать...

По всем костям Корбла прокрались лёгкий холод и неповторимая дрожь. Всё тело сомкнулось, сердце слегка кольнуло. Кейсер начал оглядываться по сторонам, пытаясь учуять напряжение, возникшее в воздухе.

– Ладно, не печалься ты так, не получилось соврать, значит не получилось... Что уж, ладно, так и быть, мы отпустим тебя, но... Но! За определённую плату, – ухмыльнулся француз, шатаясь на месте и сверля светлыми глазами застенчивый и волнующийся силуэт головы старика.

– Сколько? – грустно спросил Корбл, пытаясь понять внутри себя, как он проиграл сей диалог с французской душой, и где допустил свою оплошность. Француз уже полностью расслабился и принял дружелюбную позу победителя. Кейсер продолжал заглядывать за края повозки, и сам не понимая зачем, следить за хмельным похождением остальной троицы.

– Десять золотых пфеннигов, и мы расходимся, – вновь встав напротив старика, радостно промолвил француз, растопырив при этом все десять пальцев на своих рутинистых ладонях, из-за чего его алебарда, на которую он изредка опирался, чуть не рухнула на землю.

– Что?! – от неожиданности вскрикнул Корбл на своём же языке. – Это грабёж среди бела дня! Грабёж!

– Вы, немцы, не в том положении, чтобы трактовать свои условия сделок и выгод. И тем более ваши пфенниги не ценятся в наших краях. Так что успокойся и реши, что для тебя важнее: здоровье своей племянницы, ежели она всё же не выдумана твоим старческим маразмом, или грязные деньги? Я вижу, что ты не бедный... Повозка... больно яркая...

– Эх, ну десять так десять, – прискорбно выдохнул Корбл и скрылся за тонким красным тюлем, хоть и понимал, что столько золота он с собой не брал.

Старик шёпотом через окошко наказал Кейсеру, чтобы тот приготовился к бегству и на всякий случай зарядил свой пистолет. Вскоре послышался монетный звон в дальней стороне кабинки. Француз смазливо поглядывал во все стороны, и в том числе на своих столь же довольных красно-синих братьев по службе, думая о том, что мог бы вытрясти и побольше монет. Однако как только он повернулся к раздвигающейся шторке, его мнение сразу изменилось, в вместо сухого лица старичка он увидел лишь истёртое до блеска дуло мушкетного пистолета, в котором виднелась его скорая смерть.

– Подлец! – крикнул Корбл, и раздался выстрел.

Прекрасная французская краугольная шляпа цвета индиго за мгновение окрасилась в алые, красные пятна, слияния которых придали шляпе более тёмный оттенок. Она вместе с её напыщенным владельцем рухнула на сухую землю напротив деревянного колеса красной повозки. Остальные трое молодых французов, не ожидавшие такого от простого немецкого старичка, начали, трепеща, теревить в своих руках заправленные ружья.

Сразу же после первого выстрела последовал второй, но уже из охотничьего оружия. Метким выстрелом в живот ногами кверху пал следующий француз, который первым среагировал на выходку старика и первым направил на него свой мушкет. Но было поздно, от него раздался душераздирающий юношеский крик боли, который напрочь заглушил выстрелы остальных французов по деревянной крепости.

Весь небольшой полигон наполнился густым пороховым дымом, который на мгновение сместил предутренний туман и из которого с невероятной скоростью и с лошадиным ржанием вылетела повозка немецкого врага. Два оставшихся француза, испугавшись, что в любой момент они потеряют убийцу, ринулись отцеплять своих лошадей, а раненый, скуля от боли, любезно подбросил им под ноги свой заряженный мушкет и с осложнением крикнул:

– Стреляйте в лошадей, идиоты!..

Тот, кто находился ближе к ружью, быстро поднял его и, кивнув раненому, который тем временем уже посиживал на мягком месте и перевязывал своё первое в жизни ранение белым платком, сел на холодное от снега седло и нырнул в погоню. За небольшой отрезок времени, когда адреналин обеих сторон приобрёл пиковую зону, французы прямым ходом практически догнали повозку. Однако из её окна на авось вылетел косой снаряд, на время смутивший французских лошадей. Правая сторона запахла свежим порохом и кислым запахом пыли. Теперь

погоня продолжалась на пустом вспаханном поле. Французы окружили повозку с двух сторон, однако неровная поверхность и узкая дорога с деревьями и камнями всячески мешали им сосредоточиться. Кони скакали, словно кузнецы, и постоянно отказывались слушаться своих наездников, то замедляя ход, то ускоряя после череды хлётких ударов повода.

Корбл, одновременно прочищая и заряжая ружья, приказал Кейсеру мигом отдать ему свой пистолет, что тот, не отрывая взгляда от ветвистой тропы, сделал. Три мушкета заряжены – готовы к бою, французы подбираются всё ближе и ближе. Старик лёг на низ повозки и, отворив левую дверь, частично развалившуюся после громкого тяжёлого удара о бок повозки, нервно дёрнул курок в лошадь правого набегающего француза. От невыносимой боли лошадь тут же нырнула в землю, потянув за собой молодого наездника.

«Остался ещё один, – подумал про себя старик и, развернувшись и точно так же откинув левую дверь, стал предвкушать следующую жертву. – Ну давай же, милоч, подъезжай!»

Долго ждать не пришлось – француз, разогнавшись, держа повод одной крепко сложенной левой рукой, направил пистолет в дверной проём повозки, но так же, как и первый собрат, он не заметил выглядывающий из-под длинного тюля старый силуэт с мушкетом. Корбл метким выстрелом ранил француза в рёбра, но тот практически не шелохнулся, а лишь стиснув зубы, направил ствол на деревянное дно повозки, из которого мигом разлетелись одни лишь щепки. Старик пребывал в лёгком шоке от французской стойкости и от того, что он чудом выжил – пуля пробила дно прямо перед его лицом. Француз тем временем пытался достать второе гладкоствольное ружьё, выронив при этом использованный мушкет раненого друга.

Корбл решил не отставать от своего постепенно удаляющегося от повозки соперника, и на этот раз он резко встал – встrepенулcя, словно мокрый петух, и, шатаясь из стороны в сторону из-за пьяного подпрыгивания повозки, оперев ружьё в своё хрупкое плечо, произвёл решающий выстрел, моментально отправивший последнего соперника на тот свет. Его лошадь следом остановилась и умным печальным взглядом посмотрела на труп своего наездника и пару раз ущипнула увядающую траву.

Повозка со скоростью хищной птицы парила над полем ещё пару длительных минут, пока Корбл полностью не пришёл в себя и не приказал Кейсеру замедлить лошадиный ход. Старик уселся возле стенки кучера и со стоном громко выдохнул:

– Извини, что так вышло... Сам понимаешь – французы, что с ними поделаешь? Да и я, видимо, плохой переговорщик, – пожал плечами Корбл, искренне сожалея о содеянном. Но, казалось, что больше всех переживал как раз-таки кучер.

– Да. Ничего. Я тебя понимаю... – лживо и неуверенно ответил Кейсер, всматриваясь вдаль своими напуганными глазами, в этот момент он услышал своё нездоровое учащённое сердцебиение. – Ты там, это... Не ранен случаем?

– Ещё как ранен, – заскулил старик и, схватившись за середину правого бедра, наконец-то прочувствовал всю боль. Он отвязал свой бежевый пояс, закинул себе в дурно пахнущий рот и тотчас прикусил. Следом он ловко схватил в одну руку алкоголь, а в другую – красную ткань.

– Что ты? Ранен, всё-таки ранен? Тебе там помочь, может, остановимся? – резко взволновался Кейсер, расчёсывая от тревожности свой крючковатый нос, погрязший в веснушках.

– Нет-нет, я сам перевяжу – это обычная пуля, продолжай путь... Я это устроил – мне и от этого страдать...

Корбл на мгновение затих, но после из кабины слышался лишь стон и благой мат, который старик тщательно пытался скрыть своим же шёпотом. Успешно проковырившись пять минут в своей раненой ноге, с помощью каких-то грязных тряпок он извлёк слегка сплюснутый свинцовый шарик, который застрял у него прямо возле кости. Старик решил оставить его себе на память, предварительно показав его кучеру, от чего того чуть не стошнило.

– Ну что же, теперь я буду хромать, как старый никчёмный волк, – рассмеялся старик, туго перевязывая свою рану красным бархатным полотном.

– Недурно, брат, ты их приструнил... или, проще сказать, пристрелил! – торжественно воскликнул Кейсер с юмором, чтобы поддержать друга, но в тот же миг о чём-то задумался.

Корбл молча продолжал возиться в кабинке, не обращая внимания на плохой каламбур своего кучера, который тем временем, пронаблюдав за скорым заходом солнца, озвучил старику свои дальнейшие мысли:

– Нужно как можно скорее отыскать нам ночлег... под каким-нибудь стволом али камнем, а то ночь быстрее нас спешит, скоро закат – это точно. А вот где ближайшая деревня или ночлежка – тут я сам без понятия, карт-то нет! Да и тем более лошади устали – поесть бы надо, да и нам тоже надобно, – быстро промямлил кучер, будто сам для себя. – Есть ли у тебя что-нибудь из еды? У меня вот лишь мучной хлеб остался – жена сварганила, будешь?

– Не-е, пожалуй, откажусь... Ты лучше... остановись-ка у того дерева и по-быстрому разожди костёр, а я пока подстрелю кого-нибудь...

Корбл указал на лежащий возле дороги суровый сухой дуб, который всем своим видом показывал путникам, что в миле от него не найдётся более живого существа, чем змея, выползающая из-под его небольших трещин.

– Что? Да тут же тишь кругом, небось шакалы только бродят, сожрут нас ночью! И вдобавок как ты пойдёшь охотиться в столь позднее время? Кого ты собираешься тут найти? Свою молодость? Старик, остепенись, у тебя же нога хромает! – пренебрежительно промолвил Кейсер, останавливая повозку возле страшного и огромного, в пятнадцать тонких берёзовых обхватов, дуба с засохшими, обломанными, вероятно, давным-давно суками и с осыпающейся корой, поросшей старыми отверстиями.

Его кудрявые ветви огибали угрюмое тёмное небо, на котором виднелась низколетающая стая серых диких перелётных гусей, так ловко запримеченная Корблом:

– Видишь, видишь! Смотри на них. Вон они, вон, ха-ха! Сейчас произведём отстрел, и будет нам плотный ужин...

В момент, когда Корбл договорил своё предложение, он уже успел схватить подгоревшее ружьё и, прихрамывая на одну ногу, не слушая бубнёж и упрёки своего товарища, направился напрямик за дуб, где расстиралось мшистое болото, язвившее своим ядовитым зловонием. Кейсер вскоре оставил попытки отговорить Корбла от его затеи, так как живот кучера мыслил совершенного иначе, а его руки как можно скорее хотели согреться от любого вида тепла... Вскоре послышался дальний выстрел, от которого вздрогнули усталые лошади, мирно поедающие траву. После выстрела последовал радостный вопль – он также осчастливил и кучера, который тихонько посиживал и ликовал на массивных корнях великовозрастного дуба и, прельстившись огнём, согревался от нарастающего холода с уже подготовленными отёсанными палками для жарки гуся.

Спустя час над костром вращалась с помощью кучера ошипанная и разделанная птичья тушка, а в таинственном уголке на холодной земле кряхтел и посапывал с довольным лицом Корбл. Через пару минут кучер разбудил его с предложением первым испробовать приготовленное птичье мясо. Старик, не долго думая, уселся возле костра и величественно вкусил предложенную грудку.

– О-о-о, невероятно! – сладко промычал Корбл после каждого укуса. – *Délicieux!*²

– Ах, никто ещё не хвалил мои блюда так, как ты! – рассмеялся Кейсер, вытянувшись вдоль мощного ствола с отрезанным кусочком мяса в руках. – Правда, оно получилось слегка жестковатым, хотя гусяное мясо, оно на то и гусяное... Жаль только то, что нет кастрюль, а то я и бульон бы сварганил. Хм... Слушай, Корбл, а куда мы после?.. До Парижа нам дней так пять, ну, может, меньше, я точно не знаю, как получится... А мы уже так напортачили! Боюсь, нас ждут большие проблемы по пути во Францию.

² Восхитительно!

– Это да-а, только вот кто виновник кровавого пиршества, так это только я. Не кори себя, Кейсер... Думаю, что можно проехаться по близлежащим городам, деревням, может, таким образом и найдём какую-нибудь диву. А пока... нужно поспать, – тоскливо закончил старик и, придерживаясь за простреленную ляжку, зевая, забрался в повозку.

На тростниковом вентиле осталась как минимум половина гуся, которой бы с радостью полакомился Кейсер, но он так же, как и Корбл, до смерти объелся. И, напоследок отхлебнув пива из своего самодельного кожаного бурдюка, оставил костёр догорать, а половинку гуся – догнивать на свежем воздухе.

V

Совершенно ранним утром первым проснулся Корбл из-за жуткой режущей боли в суставах. Выбравшись из повозки, он первым ощутил на себе свежий лесной аромат болотного тумана и первым прочувствовал, как его давно состарившиеся лёгкие помолодели лет на тридцать. Но не только они облагородились – старый никчёмный дуб, который вчерашним вечером пугал своим видом всё живое, распустился; весь преображённый, раскинулся костлявым шатром – гордо выпрямился. Его болезни вмиг исчезли, как будто их и вовсе не существовало. Он был готов жить даже с парой красных, словно мистическая цветущая роза, листочков, пока ещё не опавших на солнечном краю.

Вдалеке Корбл расслышал небольшой обоз из трёх лошадиных затажек с пшеничными стогами на борту, медленно следовавших друг за другом. И, потянувшись до хруста костей, Корбл встал на середину дороги.

– Доброе утро, мой друг! – выкрикнул он на французском языке, когда первая тележка подъехала почти вплотную.

Обоз, словно домино, последовательно остановился. Единственный сидящий за лошадью приподнял свой длинный волосатый нос из-под чёрного шерстяного снуда и, сузив глаза, улыбчиво и резко ответил на немецком:

– Ты где здесь друга видишь?

Внезапно на лице Корбла растянулась восхищённая улыбка, отчего и на щетинистой рыхлой физиономии крестьянина проявилась столь же восхищённая радость и беспечный смех.

– Ох, извините, милостивый путник, не заметил немецкие усы, ха-ха... Мы тут с другом заплутали немножечко, он сам спит, – Корбл ладонью указал на красно-жёлтую повозку и, сложив руки, как при мольбе, вежливо спросил:

– А не подскажешь ли ты мне, где тут ближайший городок или же деревушка?

– Слышь, Юрген, чего встал? – послышался недовольный зов товарищей.

– Тут заблудшие путники, нужно дорогу подсказать! – мягко ответил Юрген и, чуть снизив тон общения, приподняв спокойные широкие брови, продолжил:

– Мы как раз направляемся из нужного вам городка – в пяти милях отсюда стоит Мюлуз. Там вас радушно встретят, в этом не сомневайтесь, но лучше дальше, чем Дижон, не соваться, а то нос прикусят. Даю слово, там немцев недолюбливают. Лично в меня, однажды, когда я начал напевать мотив немецкой песни, плюнули. А коли в Париж собрались, то и вовсе распяты будете!

Пока крестьянин говорил всё это, указывая своими тонкими пальцами то на старика, то на повозку, то в сторону, откуда и приехал, Корбл неммым взглядом рассматривал скалистые горы, возле которых, небрежно порхая, веселилась стайка оседлых стрижей.

– Я очень благодарен тебе, Юрген, да благословит тебя и твоих друзей Бог. Доброго вам пути!

Корбл свободно кивнул крестьянину, на что тот, поправив свой коричневый тулуп, ответил тем же. Но буквально через секунду Юрген кинул свой косой взгляд на место, где стоял старик с повязкой на ноге, чтобы что-то досказать ему, но Корбл к тому времени куда-то исчез. Лишь стайка стрижей продолжала бессмысленно кружиться над болотцем, из которого шустро, но с прерывистыми волнами вылетел маленький юркий стриж, потянув за собой всю стайку в направлении шумного Мюлуза.

За пять минут эта маленькая юркая птичка долетела до того небольшого торгового городка, чей пошлинный путь проходил через границы Швейцарии и Священной Римской империи. Этот город славился своими быстрыми и оттого неразборчивыми постройками жилых зданий, то высоких – три этажа, то низких – одноэтажных, теснившихся почти вплотную

друг с другом. Стены домов целиком состояли из красного кирпича, который, бывало, зажиточные семьи могли перекрасить в любой другой цвет. И даже крыши на разных зданиях слегка отличались друг от друга: островерхие, двух-, односкатные, покатые, рифлёные, черепичные, изогнутые, прямые, худые, дырчатые, в основном темно-зелёных или же коричневатых оттенков. Улочки непревзойдённо хороши, ровны, устойчивы, крепки, будто их вовсе не затронула война, тут есть даже отдельная площадь, предназначенная только лишь для торгашей – лошади запрещены и находятся на отдельной улице, хотя даже при таком условии жителям Мюлуза из-за порывистых ветров часто приходится нюхать лошадиный дурно пахнущий навоз.

На одной из улочек, предназначенных только для людей, на зонтичную крышу маленького торгового домика, из которого доносился запах нежных сыров, пряностей и редких специй, присел наш прелестный желтобородый стриж и стал наблюдать, как за просыпанные крошки борется голубиная стая, и будто насмеялся над их глупостью. И случайно среди возбуждённой азартом толпы людей он заметил худую до болезни девушку. Она была одета в серое мешковатое грязное и поношенное одеяние, а её открытая русая голова безвольно трепыхалась на ветру длинными блестящими локонами. Она, облокотившись на стену возле огромной каменной арки, отделяющей проездную часть дороги от торговой, слепо и бездушно поглядывала на прохожих. И в частности её взгляд пал на одного столь же голодного, как и она, пацанёнка, который, обращаясь через веру в бога, умолял скупого толстого пекаря о снисхождении и подачке в виде крохотного кусочка батона, хотя бы самого сухого и заветренного. На что тот, подняв свой крупный двойной подборок, грубо и бестактно ответил ему:

– Нет, ни куска, ни крошки не дам! Вон, иди отсюда, бродячий щенок! Такие, как ты, вечно отбирают у меня последние гроши! Лучше бы вы вообще не рождались!

И пекарь, тяжело оттолкнув ребёнка от прилавка толстой рукой, быстро скрылся в свою пекарню, чтобы принести новую порцию хрустящих багетов. Мальчишка, с трудом поднявшись и оправившись от толчка, снова встал на своё прежнее место, пуская густые слюны на заветренную французскую бриошь, которую он мог бы схватить в любой момент, стоило только протянуть руку, но он не решался – не хотел красть, мучила совесть. Девушка увидела его детскую невинную нерешимость и, держась за свой костлявый живот, медлительно подкралась к его спине и, дотянувшись до сокровенной булочки, вручила её мальчику.

Тот мгновенно нахмурил свои большие брови, и не захотел брать, и лишь после того, как она шёпотом промолвила, что обязательно купит её, поблагодарил девушку милым поцелуем в щёчку и убежал с крупной бриошью в неизвестном направлении. Сие преступление в крайний момент увидел пекарь и, уронив от наглости девки порцию багетов, ринулся к ней с ором и угрозами. На что девушка чересчур спокойноотреагировала. У неё не было ни сил, ни монет, чтобы возразить, ответить или отплатить хозяину пекарни, и даже в крайний момент показалось, что она вот-вот свалится с ног. Но лёгкие локти девушки неожиданно подхватила стража и, перекинувшись парой мутных фраз с пекарем, увела её за решётку. Только лишь злостные завывания пекаря продолжали пугать тихого стрижа, так как этот страшный человек, брызжа слюной от ненависти, клялся своей жалкой жизнью, что эту юную воровку закопают заживо без гроба, отхлестав перед этим до красной плоти и отрезав уши и язык.

Стриж мигом вспорхнул с временного насеста и полетел за воровкой над всем городом, и чуть ли не потерял, когда стражи завели её в отдельную улочку, где такие же, как и она, голодные и никчёмные, склонив свои грязные головы, ждали скорой участи. Навеса над клеткой не было, и все штыри стояли перпендикулярно домам. И в то мгновение, когда девушку бросили на землю и она разбила колени в кровь, стриж незаметно подлетел к ней и, постучав по земле клювиком, красиво защебетал. Девушка нежно натянула улыбку, поглядывая в чёрные глазные бусинки дивной птицы. Она из последних сил поднялась с земли, опёрлась о стену и, закрыв ладонями глаза, заплакала, но слёз не было... Стриж подлетел ещё ближе к её кост-

левой ногой и легонько кольнул, а после того как девушка вновь обратила своё внимание на него, чётко по-французски произнёс:

– Верь, и к тебе придёт спасение...

Тем временем повозка Кейсера вместе с почему-то уставшим и измотанным Корблом двинулась в направлении Мюлуза. Зимнее время года дало о себе знать: выпал первый, но уже французский снег – укрыл все золото-красные листья лёгкой белоснежной хрустящей коркой. Но мягкая тёплая температура здешних, хоть и горных, возвышенных мест дивила любопытный взор путников, зашедших в смешанный лес. Склонившиеся к земле ивы, пышные пихты, лысые буки, ольхи, мхи и лишайники – такое разнообразие видов деревьев возбуждало интерес не только немцев, но и лесных обитателей, зверей, которые уже полностью подготовились к будущей зимовке и оделись в холодные маскировочные шубки.

Вот неподалёку была слышна дикая кабаниха, которая, треща ветвями сухих деревьев, кротко и осторожно пробиралась к остальным стайным кабанам со своими новорождёнными поросятами. Детёныши старались держаться вместе и как только пришли в нужное место, стали помогать матери подготавливать себе ночлег из вороха старых и увядших листьев. Несмотря на тишину этого небольшого леса, не стоит наивно полагать, что он уснул или замер в обыкновенной суете, а звери давно распределились по тёплым местам; наоборот, они только проснулись, утро – впереди их ждут зимние испытания.

Тихая радость трепещет в этом безмянном французском лесу. Здешние звери настолько наладили свои отношения с проезжими телегами, что даже стая рыжих белок не смогла удержаться перед яркой повозкой и запрыгнула на её худую крышу. А хилые в прошлом волчата, возросшие в предгорном лесу, словно старые крепкие друзья, вальяжно перешли дорогу. Кейсер в тот момент широко раскрыл свой рот и на доли секунды пересёкся со спокойным волчьим взором.

– Т-ты видишь, видишь это?! – похлопал кучер глазами, пальцем указывая Корблу на происходящую наглость.

– Эх ты, во дают! – с точно такой же яркой и экспрессивно-радостной окраской отреагировал старик, кротко выглядывающий из бокового окна. – Вот бы сейчас курок на них, да «бах!»

– А что тебе мешает? – иронично спросил Кейсер.

– Эх, советь, мой друг... совесть... Волк-то – животное хорошее, с какой стороны ни глянь. Они чтут старших псов и действуют сообща, всегда в стае, а когда им нужно перебраться через ущелье или горы, то вожак стаи благородно ведет всех за собой, чувствуя при этом ответственность за жизнь каждого, кто идет за ним. Да и если б кто-нибудь стрельнул бы в них раньше, разве мы бы смогли лицезреть такое чудо? Нет, они бы больше не показывались, скрылись в чаще, в глубине леса до конца своих веков. Прекрасные создания! Мудрые! Храбрые! Си-и-ильные!

– Слушай, ну а ты, случаем, характером не волк?

– Я? Да нет... Скорее, волк – это наш граф, что-то есть у него такое... эдакое волчье. Может, спокойные глаза или острые скулы... А мне всё же больше по душе птицы. Быть свободной пташкой, не представляешь, было бы прекрасно! Мечтать да парить в синеве под нежными лучами солнца, над рекой, над Парижем, над лесом, над горами – разве это не прекрасно?

– Эх, прекрасно-то это прекрасно – и так понятно, но какая из тебя свободная пташка, если даже человек ты несвободный?

– Ты о чём?..

– Ну так ты же слуга и служишь графу, почётно.

– А-а... вон про что ты... Но разве мечта о свободе не есть свобода?

– То есть ты намекаешь на то, что ты хочешь уйти из замка? – навязчиво спросил кучер, развернувшись лицом к мечтательному другу, который в этот момент в глубине кабины проверял свою рану.

– Нет, ты меня совершенно не понял, – вяло отмахнулся старик. – Зачем мне уходить от графа? Я ведь и так скоро умру...

– Что? Умрёшь? Пф-ф, да не мели чепуху, ты живее всех живых! Это я собственной кровью клянусь. Половина всех юношей нашего городка помертвее тебя будут!

– Ха, друг мой, спасибо за комплимент, но от смерти, увы, не скроешься... Она всегда рядом, крадётся и ждёт, ждёт самого удачного момента, когда твой взор будет ярок и блистателен, чтобы в мгновение сбить с толку, и дать понять человеку, насколько важна и красива была его жизнь, – философски улыбнулся старик и, вновь проверив свой сундук уже трижды за это утро, на сей раз достал из него сухой пряник и, сделав пару надкусов, предложил Кейсеру, который, не отнимая взгляда от дороги, поспешно отказался.

Они не спеша проехали лесоболотный пункт и небольшую, редко заснеженную степь, подобрались к первым ветхим одиночным домикам Мюлуза, где уже давно не обитали люди, а жили лишь бродяги, отшельники и безработные, и лишь иногда в них перекантовывались егеря. Примерно здесь Корбл перебрался на козлы к своему другу, который был непременно удивлен и ошарашен. Следом домики на целую милю пропали в степях, скрылись от путников, ведь их следующей целью служил центр шумного города, в который они поспешно въехали. Как показалось Корблу, Мюлуз справлял какое-то празднество, но он напрочь забыл какое, однако яркое впечатление Кейсера тут же поставило всё на свои места:

– Ого, да здесь, кажется, полным ходом идёт подготовка ко Дню святых! – спохватился он, когда при приближении к небольшим воротам заметил широкие глиняные горшки с разноцветными хризантемами. – Вот это да-а... Какие красивые цветы! Эх, вот же блин, а я вот не успею принести своим родным на кладбище хризантемку... Ну, что же поделать? Жена принесет.

– Кейсер, если тебя это утешит, то я тоже не успею... да и нет у меня того, кто бы это сделал за меня... Слушай, Кейсер, а это разве не католический праздник?

– Да-да, он самый, католический, – радостно кивнул кучер.

– А почему тогда французы так ненавидят немцев? Мы же тоже, как они, католики...

Кейсер дружелюбно пожал плечами и всё же дал более-менее чёткий ответ:

– Ну-у, знаешь ли, тут совсем не в этом дело. Да и с чего ты взял, что мы католическая страна? Если только в отдельных её уголках, в нашем, например, большинство католиков, чуть северней – протестантов больше. А вот с Францией дела обстоят отнюдь не от каких-то там религий... У нас изначально не заладились с ними отношения, хотя, конечно, они с нами не как с британцами... Там всё намного хуже. В общем, как бы не потерять суть мысли. Тридцатилетняя война началась внутри нашей страны, когда столкнулись католики и протестанты, война которых разделила нашу страну на две части... Позже в войну на стороне протестантов вступила Дания, следом Швеция... Саксония, Россия, чуть позже Франция... Ох, а за католичество и гегемонию Габсбургов вступилась только Австрия и Испания... А вот почему Людовик XIII вступил в эту войну на стороне протестантов, думаю, это прежде всего из личных интересов и из-за желания захватить мантуанское наследие. Да, думаю, так и было. Франция не ступала ногой на земли Римской империи, однако под конец мира ухватила свою долю в качестве городов Мюлуза, Страсбурга, Кольмара. Французы вышли победителями в этой войне, если это так можно назвать. Так что я не особо понимаю, почему они так злы на нас, видать, такой у них нрав, что уж тут поделать? Да и мы хороши... Сами себя разваливаем. Скоро от страны останется лишь одно словцо, да и то не шибко доброе... Да и откуда вообще взялось это название – Священная Римская империя? Какая священная, если мы в собственной вере мы не можем разобраться? Какие мы римляне, если мы выходцы из варваров? Да и какая мы империя, если постоянно раздроблены на княжества?

– Не знаю, друг, не знаю, откуда-то, видать, повелось... – стиснув свои расшатанные зубы, пожал плечами Корбл. – Кейсер, а откуда ты всё это знаешь? Где вычитал? Лично меня в то время заботило лишь то, как бы защитить Гогенцоллерн... Я и простые люди тогда, даже не были в курсе, кто на нас на падает и зачем. И сейчас, когда уже несколько лет прошло после подписания мира, я до сих пор не знаю всех тех событий!

Кейсер приятно покраснел и, шлёпнув два раза по собственному животу, ответил на интересующий друга вопрос:

– Так это, всё что я знаю мне поведал мой сын, он же у меня участвовал в этой войне. Его призывали на сторону Габсбургов, однако после того, как он попал в плен к французам, остался жить у них... Изредка ко мне заезжал, рассказывал о своих делах, о работе, в общем, о житейских делах. А когда он выпивал на семейном застолье, и наступал его черёд говорить тост, то он с восхищением читал всем нам военную цитату Ришелье: «Я не сплю ночами для того, чтобы другие могли спать спокойно». Эх, как же не хватает мне его присутствия, а ведь он где-то на границе, может, даже где-то здесь...

– Ну-с, не печалься ты так, мой друг, а коли он здесь, того и гляди найдём его среди этой буйной толпы!

Корбл, словно малый щенок, притерся к кучеру плечом и кротко посмеялся с закрытыми, прищуренными глазами, за этим примером последовал сам Кейсер, периодически поддакивая своему другу на его откровенно глупые вопросы касательно праздника или особого структурного оттенка архитектуры города, искренне поражаясь его беззаботному парению мысли. Друзья с весельем въехали в город, и, когда остановились на лошадиной улице, Корбла на мгновение посетила необъяснимая тоска; указав своему кучеру, куда именно нужно поставить повозку, он дал ему пару серебряников для собственных нужд и приказал ждать у повозки, если тот вернётся раньше. А сам же направился на многолюдную улицу, где с каждой секундой нарастало веселье: люди выходили из своих домов, встречались с соседями, здоровались с незнакомцами и желали им всех благ; иногда по улице проходили священники – в этот день они были одеты в белые мантии, которые по-особенному восхищали разум.

Корбл, словно слепой старец, последовал за непонятым мутным светом, который неожиданно привёл его в пустой, никем не охраняемый проход, с двух сторон огранённый клеточным сооружением, внутри которого молчаливо посиживали заключённые. Это место показалось ему почему-то очень знакомым.

– Как говорят французы, *déjà vu*, – тихо промолвил себе под нос Корбл и ненароком обратил взор направо – на светловолосую, но замызганную в грязи девчущку. Оглядевшись по сторонам, подойдя к металлическим штырям, он окликнул её. Первый раз и несколько последующих окликов она не расслышала, но после того как старик откинул камешек в сторону, девушка потянула шею и, показав свой острый, слегка раздвоенный подбородок, протёрла сизые блестящие глаза.³

– Ох, ты жива, слава богу... – прошептал старик, будто бы имел что-то общее с ней, однако ничего подобного не было известно, – Не бойся, я вытащу тебя отсюда... – и, подобрав с земли тяжёлый камень, крепко ударил несколько раз по маленькому замку, который с грохотом свалился, отворив за собой хлипкую решётчатую дверь.

«Ну же, поднажми, Корбл», – мысленно прокричал старик, поднимая обессиленную девушку, оказавшуюся невероятно лёгкой.

– Зачем... вы мне помогаете? – вздохнула девушка, ведомая стариком через людскую улицу, на что старик ничего не ответил: он первым делом решил поскорее скрыться от хмельных и весёлых лиц.

³ Дежавю.

Старик довёл бедняжку до повозки, усадил её на заднее кресло и, угостив мягкой хлебной булочкой с зёрнышками по краям, стал наблюдать из-под плотного тюля за проезжей частью дороги. Погони или подозрительных лиц не наблюдалось, и это облегчение вылилось в небольшое волнение и мандраж. Старик уселся рядом с девушкой и всё так же молчал и изредка выглядывал в простреленные французами отверстия. Девушка всячески пыталась сдерживать свой бешеный аппетит, проявившийся из-за вечного, губящего множество жизней, голода, и у неё это отлично получалось. Через минуту она протянула свою костлявую исхудавшую руку к Корблу и тихо промолвила:

– Пожалуйста, подайте воды...

– Конечно, бери, – Корбл протянул свою открытую по пути флягу прямо в ладонь белокурой леди.

– У вас странный акцент. Вы из немцев? – сильно удивилась чужому языку девушка, незначительно пришедшая в свой разум от последующих глотков чистой воды, на чей вопрос Корбл украдкой кивнул. – А я ведь знала, что вы – хороший народ, – чуть раскрепощённое отсимпатизировала девушка и ненароком спросила имя своего пожилого спасителя.

– Меня зовут Корбл, а кучера... его сейчас здесь нет... зовут Кейсер. Он плохой шутник, но чтобы его не расстраивать, делай вид, что каждое его слово вызывает смех.

– Хорошо, так значит, Корбл и Кейсер? – мило повторила девушка.

Старик застенчиво кивнул. Француженка неловко и смущённо схватилась за урчащий живот, вероятно впервые за эту неделю сияющий от проблеска еды, но открыто желающий получить ещё одну порцию чего-либо съестного. В этот же момент в пассажирскую комнату забрался хмурый и в тоже время серьёзный до неузнаваемости Кейсер, услышавший незнакомый подозрительный голос в своей повозке. Корбл слегка дёрнулся, ухватившись за мушкетон на ремне, но тут же засиял улыбкой, когда увидел не на редкость удивлённое лицо товарища. Старик протянул ладонь к нему и приветливо уставился на девушку, она невольно смекнула то, что хотел донести до неё немец. Она поднялась с мягкого, перетянутого мехом сиденья, стряхнула мелкие крошки, образовавшиеся от булки, сложила свои руки перед собой и, кротко поклонившись, поприветствовала Кейсера на исконно французском языке:

– Привет, дорогой Кейсер. Рада приветствовать вас. Ваш друг только что успел о тебе поведать... Кстати, меня зовут Элис Серрб... Будем знакомы.

Кейсер непонятливым и смешным, приподнятым взором посмотрел в приспущенные тёмно-карие глаза Корбла. И тот, сидевший в углу старикашка, невероятно глупо рассмеялся, хлопнув оглушительно ладонью по своему широкому низкому лбу:

– Он же ни черта не понимает, ха! Ты только посмотри на его физиономию, во даёт!.. Ладно-ладно, так и быть, Кейсер, не кривись, не обижайся. Она сказала, что её зовут Элис Серрб и что она рада встрече с тобой.

– Ой! – спохватился мигом кучер и одним ходом поцеловал тыльную сторону ладони тощей девушки. – И мне, и мне... очень приятно... – Его маленькая светлая борода распушилась, а щёки налились румянцем. От кучера повеяло легким табаком, запах которого недолюбливал Корбл, однако, в данный момент, он даже ухом не повёл, и продолжил спокойным образом вести знакомство и общение.

– Très agréablement, – мгновенно перевёл Корбл Элис, и девушка приятно смутилась.

– Хорошо. Полагаю, мы скоро поедем? – спросил Кейсер Корбла, на что тот пока не знал точного ответа, так как Элис ещё не была оповещена о том, в чём заключалась вся соль поездки.

Он понятно и очень сжато объяснил на французском о своём мрачном графе и о задаче найти трёх девушек, одна из которых, вероятно, в будущем сможет стать его спутницей жизни. Растолковал о прекрасной жизни в замке и о всех привилегиях графини. Элис долго соображала, что ей ответить, она с недоверием смотрела на ещё более не понимающего ситуацию Кейсера и совершенно спокойного старца, но тем не менее она осознала, что ей стоит дове-

риться немцу, который спас её от голодной смерти, на которую оставили её кровные французы. И ровные, изящные, острые, хоть и совершенно бледные, черты лица Элис постепенно от печали налились кровью, делая слегка грязноватую кожу розовой, сияющей и счастливой.

Она продолжала перебирать в голове все возможные варианты событий с нею в том случае, если она довериться незнакомцам – от самых страшных до невероятно романтических. Однако когда Корбл невзначай уселся справа от неё и вежливо, положив свою ладонь на её руку и сделав яркий комплимент, предложил поехать с ним в Гогенцоллерн, её серебряные глаза вместе с русыми локонами волос тут же восторжествовали. Ровный кошачий носик с лёгкой горбинкой приподнялся, а на мягких маленьких губах, отдающих неестественно розовым цветом, показались влажные пузырьки, которые находили убежище внутри маленьких трещин. Элис перестала мыслить и лёгким движением головы со слегка сжатой на холоде улыбкой и приподнятыми сухими щёчками согласилась, отчего Корбл торжественно вскрикнул, одновременно подняв и сжав свою правую руку в кулак:

– Направляемся в Италию!

VI

Тем временем в Хехингене во всё прежнем «Старом Дворике» развязалась незначительная беседа между Адалардом, Йоханом, Ханком и Гансом, расположившимися в самом дальнем, крайнем углу ветхого трактирчика за одним из самых крупных столов. Фермер, чей сын трагично погиб в Гогенцоллерне, давным-давно спешил в Хехинген с торгового пути, где стоит город Вюртемберг, чтобы скорей увидеть тело своего единственного сына, побросав все свои обозы с мучным и хлебным.

– Ну что? Скоро, видать, фермер придет, наше предложение все ещё в силе – отсыпать старику на гроб его сына? – деловито, не стесняясь людских трактирных лиц, начал Ганс, высматривая своим взглядом, хитрее лисьего, физиономии своих робких, слегка напуганных товарищей. Все молчали. Играли в переглядывания. И лишь когда к столу подошла кельнерша с просьбой о заказе, Ханк, резко сделав грациозный взмах рукой вверх, вежливо вымолвил:

– Четыре «вайнштефана», пожалуйста! И-и-и... одну сочную курочку в придачу. Ведь у нас сегодня праздник! Так ведь, работяги?

Друзья без особого интереса покивали, и в тот же момент из-за соседних столов послышались радостные крики с поздравлениями от таких же простых и бесхлопотных, слегка опьянённых чудиков, от похвал которых у приятелей мгновенно поалели щеки, будто от предвкушения скорого хмеля. Хотя, скорее всего, покраснение на щеках являлось банальным принципом проявления совести, который исчерпал себя сразу же после принесённых элегантной кельнершей блюд: курицы и пива. За мгновение сознание друзей исчезло в их прожорливых животах. Разгорелись веселье и задор. Все тут же позабыли о насущной делёжке и приятно проводили своё время. Все, кроме Йохана, вечно ёрзающего на трухлявой подложке, которую в конце концов он сбросил со стула, а ещё через минуту вышел из бара, дабы отдышаться от запаха пота и в особенности от алкоголя, сам которого не пил. Он тяжело вздохнул и уселся на край крыльца, даруя свободный проход новым посетителям, останавливающимся на своих благодных ослах возле грязной конюшни, стоящей напротив трактира.

Совесь Йохана набрала ещё большие обороты, заставляя своего обладателя краснеть под бледно-лазурным небом. Угрызение на секунду пропадало, когда его маленькие голубые глаза устремлялись на свои оборванные лёгкие штанишки, которые изрядно истрепали себя после работ в замке и других силовых заданий. Тонкие брови опустели, впалый подбородок осел, а грушевидные щёки обсохли на ветру. Совесь и грустное настроение часто играли с ним в психологические игры, а его разум постоянно пытался отвести взгляд от насущных проблем, завлечь чем-нибудь другим, забыть то, что гложит, однако Йохан пересиливал этот лицемерный напор внутренних голосов и споров, и добровольно оставался на своей меланхоличной волне.

Он облокотился на штаны, и в его маленькой голове пронеслись корящие мысли: «Неужто я так поступлю? Нет... нет. Нет. Нельзя! Так нельзя – неправильно! Ты не можешь, Йохан! Не можешь, Йохан! Это так неправильно... Но... почему?»

Глядя в серое небо, Йохан перекрестился, медленно поднялся с лестницы, отряхнулся и, нащупав в своём грязном пальто шуршащий мешочек, подошёл к ветхой полуоткрытой двери, из-за которой доносился приглушенный топот большой массы людей. Это были его друзья, слегка пьяные и задорные, беззаботные, ни капли не думающие наперёд. Однако, не смотря на это, на их лицах висела некая доля озадаченности после неожиданного ухода Йохана.

– Х-хей! Вон он! Я же говорил, что он никуда не уходил... Ты зачем так внезапно скрылся, чудик? – начал Ханк, до грохота распахнув несчастную дверь.

Одной из кельнерш это явно не понравилось, но, продолжая прочищать посуду, она всё же стерпела шумных посетителей и молча протолкнула группу молодых из заведения. Адалард не сразу почувствовал проталкивающие руки питейной дамы и от этого несильно ударился

о верхушку дверного проёма своим мясистым, суженным к тёмным бровям лбом, случайно стяхнув с неё вековую пыль.

– Да-а, что-то поплохело мне от спиртного, голова болит... Слушайте, братья, я тут подумал насчёт тех монет... и решил, что... – сквозь силу и стеснение продолжал Йохан, глядя на помрачневшие лики друзей, которые пересилили его серьёзность и заставили думать иначе, – что... не возвращать деньги Франца – это отличная идея!

– Во-о-от! – промычал Адалард и возвысил свой толстый палец к небу. – Вот как хорошее пиво помогает, вот как людей меняет! Ах-а...

– Да уж, прекрасно... – не очень радостно подтвердил Йохан. – Парни, послушайте, тут несколько секунд назад прохожий коней выводил, проболтался, что фермер... уже давно прибыл в Хехинген и...

– И-и-и?.. – нетерпеливо поддразнил Ханк и в разные стороны поводит хмельным кротким носом.

– Нужно, наверное, нам спешить?

– Точно-точно! Время-то уже затемно! Как же это мы так засиделись? За мной, братья, пройдем через тот проулок, – предложил всё тот же Ханк и, не заинтересовавшись мнением остальных, напрямик понёсся через улицу, будто намеренно сталкиваясь с прохожими людьми и сам же ругая их за это. Остальные подтянулись за ним, хотя путеводительная миссия Ханка была совершенно бесполезной, так как каждый в этом городке знал все узкие улочки и проходы вплоть до мелочей.

Скоро близился вечер, а казалось, что четверо парней несколько минут назад только вошли в трактир. Но такова зима – не успеешь оглянуться, бац, и уже ночь – блеклая, лунная, шипящая от мороза, невероятная, бдительная и такая невинная, ещё нетронутая леденящими порывистыми ветрами зимняя ночь. Она медленно, но верно захватывала всю земную поверхность Хехингена, укрывая его тёплым непроглядным полотном и создавая иллюзию невероятно доброго и тёплого вечера, однако всё было совершенно не так. Жителям городка и близлежащим деревням грозил лютый вероломный мороз, какой давным-давно не встречался по всей территории Священной империи. И как не вовремя он совпал с предшествующим захоронением Франца, но, впрочем, именно из-за этой погодной надвигающейся напасти похороны решили назначить раньше, чтобы удобнее было вскапывать землю.

– Как долго до дома фермера? – ёмко спросил Адалард, почёсывая свою непропорциональную голову, давно покрасневшую от свистящего ветра, который мигом выдул из него весь хмель. Лишь на картошечном носу великана и на его оттопыренных ушах по сию пору виднелись посинения от большого количества выпивки.

– Недолго, вон он уже виднеется, даже отсюда виднеется, – указал своим дрожащим пальцем Ханк на загоревшиеся дальние огоньки в двухэтажном массивном доме, каменно-зелёном, слегка розоватом при отражении от поднимающихся звёзд и света, отражающегося от алой крыши.

Дом стоял в одиночестве, то бишь он был отдалённым от всего остального городка, окружённый всего лишь тремя деревцами и просторным полем для сбора обильного урожая. Где-то совершенно далеко за домом, на краю поля стояли маленькие мельницы, которые в основном служили пристанищем для той части крестьян, работающих в поле или в лесостепях. Подле него выстроилось небольшое столпотворение зевак, рабочих, близких друзей и родственников погибшего Франца и его скорбящего отца. Все они явно были в печали и даже не сразу заметили столь шумную пьяную четвёрку. Лишь когда те подошли ближе к крыльцу, вплотную, послышался грубый, но негромкий спокойный голос крупного мужчины, вышедшего в направлении нерасторопной компании:

– Вы кто такие?

– Мы? Мы работали вместе с Францем... – в той же манере ответил Ганс.

– Поздравляю, больше не будете! – тут же загнусавил фермер обоих и без капли стеснения громко шмыгнул краем крупного носа. Он сидел за огромной толпой внутри образованного случайностью полукруга, он не видел спорящих, однако ему было всё равно на их присутствие. Фермер не повернул на них своего манерного взгляда и всё смотрел на чёрный полуоткрытый лакированный гроб, из которого виднелась уцелевшая обескровленная, бледная часть головы сына. Она была ужасно искажена, а в мёртвом взгляде Франца виднелся первобытный ужас и страх, однако старый фермер, словно ополоумевший, всё время повторял одно и то же:

– Он невероятно спокоен... Как же он спокоен, я верю в это. Он спит... спит сладким, крепким сном. Но... что он почувствовал перед этим спокойствием? Что он чувствовал? А?!

Иногда после этих полоумных высказываний он резко дёргался, прямо как паралитик, и резко оборачивался на тёплые, лежащие на его округлых плечах руки близких и товарищей, не узнавая собственных друзей, пугался, пошатывался, пытался вскочить, но непомерная усталость и собственный вес не давали ему это совершить.

Ганс, Ханк, Адалард и Йохан собрались вместе чуть правее от толпы и, заметив, что они давно опоздали со своим предложением о гробовой помощи, ветхо молчали, покашливали, переглядывались с незнакомыми серебряными, фарфоровыми лицами. И, постепенно трезвея от хмеля, находили всё больше и больше знакомых, которые так же, как и они, присутствовали в тот злободневный час. Вскоре фермер попросил всех, кто стоит подле него, помочь подняться. Близилось захоронение. Четверо молодых и не очень парней подняли полузакрытый гроб и понесли его к молодой, давно опавшей яблоне, под корнями которой до сих пор расстилалась тёплым ковром рыхлая плодородная земля. И именно в этой земле с тяжёлым трудом уже была прорыта полутораметровая яма, ожидающая своего сожителя.

Гроб плавно спустили на дно и плотно заколотили тонкими гвоздями, положили кругжеевое белое покрывало на деревянную крышку, и все поочерёдно подошли к яме с невероятно добрыми пожеланиями усопшему. А под монотонное чтение молитв священника каждый из желающих скидывал в закрытый ящик по алому дорожному цветку. Вся присутствующая семья Франца, а именно: его отец, слегка хромяя тётка и, казалось, ничем не взволнованная любовница Франца, встали в первый ряд, чуть правее от других. Друзья же, знакомые и иные гости – позади них, и лишь приглашённые фермером от католической церкви гробовщики имели право стоять у изголовья надгробья.

Все погребальные обряды были завершены, и только затухающий печальный говор священника естественным образом сдерживал гостей от предстоящего траура. Конец молитвы. Конец дождя и мокрого снега. Дерево склонилось к яме от тяжести и непомерной сырости. Абсолютно все гости, словно по приказанию свыше, не смогли сдержать горьких слёз, а хмельная бесстыдная четвёрка и вовсе в тесную обнимку рыдала громче всех. Фермер – нет. Он молча смотрел на медленно растущую над гробом землю и всячески приглаживал свою похожую на слоновую кость блестящую лысую голову. Но никто не был этим удивлён, даже священник не посчитал это грубым знаком. Фермер всегда был зол на всех и достаточно строг с сыном, отчего тот всё равно перенял распутность души и гордыню своей умершей при родах матери.

Всё было окончено. Все принялись расходиться. Любовница Франца подозрительно быстро скрылась после церемонии, но никто о ней даже и не вспомнил. Фермер вместе с сестрой заперся в доме: она ушла проверять и наказывать слуг, а он на первых порах решил подремать в кресле, в уютном зале. Все ставни были закрыты – настроение было не для гостей. Расторопно фермер проснулся от мыслей и скользкими пальцами потушил все свечи в доме, кроме одной – она находилась в его комнате, в правой части второго этажа, если смотреть со стороны фасада – и, задёрнув синие шторы, которые со временем собрали всю черноту траурной ночи в свои объятия, принялся читать, видимо, не очень затейливую книжонку.

Адалард, Йохан, Ханк и Ганс неподвижно стояли перед широкими дверями – размышляли. Первым начал Ханк, и в его голосе не возникла ни одна минорная нота, а лишь всем надоевший сарказм в вперемежку с иронией:

– Видимо, как ни прискорбно, старик не откроет нам свои бараньи врата (над дверьми висел бараний скелет головы с невероятно огромными ребристыми рогами) ещё как минимум три дня – траур же! Что будем делать теперь?.. А, а? Я предлагаю нам навсегда забыть столь туманное угрызение совести, как страшный сон забыть. Да и почему здесь стоим? Йохан же сказал, что согласился не отдавать долю, или наш бедный малый совсем запутался? То гроб, то всё, то ничего, то гроб, то всё! Эх, тьфу, поскорей податься по домам к чёртовой матери, пока мы тут вовсе не задубели!

– Да-а... Сейчас бы поесть или согреться. Или и то и другое, – неспешно пробубнил Адалард.

– Да. Полностью с тобой согласен, мой большой косолапый друг, – прельстился Ганс. – Я думаю, что в эту и в последующую недели нашего достопочтенного фермера не будут интересовать какие-то глупые, в особенности для дворян, деньги. У них этих пфеннигов навалом, бери не хочу! И без всяких сомнений заверяю, что у каждого такого толстосума по двадцать тысяч английских фут стерлингов под кладовкой на чёрный день запасено. И мы тут как тут со своей честностью, тьфу, да кому она вообще в нашем мире сдалась? – манерно, но спокойным образом сковырнул политическую язву Ганс. Все высказали своё мнение, кроме Йохана, который постоянно глазел по затемнённым окнам, высматривая лик фермера.

– Слышь, чудик, а ты, что думаешь? – лязгнул Ханк. – Так-то, в общем, не имеет значения, я всё равно сейчас сваливаю, но всё же?..

– Я думаю... думаю... Простите, но я останусь, – недопустимо долго решал Йохан, но как-никак решился. И этот ответ слегка возбудил интерес Ганса и совершенно бесчеловечно добил Ханка. Но несмотря на довольно громкие и безрассудные нравоучения от ядовитого друга, Йохан, как бы то ни было, остался непоколебим в своём решении, чем ещё больше восхитил Ганса, наблюдавшего за конфликтом с нейтральной стороны.

– Пф-ф, ну и оставайся здесь, болван, а как замёрзнешь – меня не зови... – Ханк поставил лёгкий шелбан по маленькому лбу меланхоличного друга и, не попрощавшись с ним, один, не дожидаясь остальных, ушёл в направлении ветра.

Ганс подошёл к Йохану и с суетливой и удивлённой мимикой своего большого лица спросил:

– Йохан, а что если он тебя всё же впустит, что ты будешь делать потом? Гроб уже куплен. Пожелания даны. Фермер в печали. И... мешок с монетами... вот блин, – пошарил Ганс сам у себя по карманам. – Видимо, я ещё с трактира отдал Ханку... Может, всё-таки по домам?

– Нет... – тяжело выдохнул Йохан.

После этого кроткого ответа Ганс ещё полминуты простоял над тревожной головой друга и, осознав, что тот не колеблется, что у того появился некий стыдливый стержень, который давно исчез у многих крестьян, резко переменялся в настроении – на более безэмоциональное, строптивое и отчуждённое, настроенное на сладкий сон и тяжёлое похмелье. Он незатейливо хлопнул по плечу Йохана, восхитился и, развернувшись к немногословному на этот счёт Адаларду, который также собирался уходить, попрощался с совестью.

Настала глубокая темень. Луна скрылась за пустыми облаками, и Йохан уже в третий раз, дрожа от холода, стучал в уродливый дверной молоток. И если первые два раза полнова-тая сестра фермера отвечала и даже открывала дверь, чтобы рассмотреть, кого это привело, то на третий её интерес спускаться к двери ради нерадивого Йохана вовсе пропал. Она устала его толкать в шею и всячески ругать, и прогонять от дома. Тогда бедному крестьянину ничего не оставалось, кроме как надеяться на то, что его совесть хоть как-то успокоится после трескучего мороза и блеклого снега, оседающего на тоненькой шапочке Йохана, и отпустит его

домой, однако сон наступил раньше. Перед его глазами летали затухающие во тьме ледяные кристаллы, которые он не специально, словно по мановению волшебной палочки ведомого холода, принялся считать: «Один, два, три... четыре...»

Йохан зевнул и, съёжившись на нагретых ступеньках, уснул.

Утро. Дверь с промёрзшим хрустом открылась, и спящее тело Йохана с глухим стуком рухнуло в дом фермера. Раздался протяжный визг хозяйки, отчего спящий выпрыгнул на улицу, на хрупкий лёд, словно инстинктивный пёс из-под дрожащей телеги. Тётка, схватившись за левую грудь, тотчас захлопнула дверь, и следом было слышно, как она быстро начала взбираться по лестнице, высоко придерживая пышное цветочное платье с завышенной талией. На середине пути она внезапно столкнулась со спускающимся, пробудившимся ото сна фермером. Он был раздражён, в особенности, от писклявого крика своей сестры:

– Что там, твою мать, случилось, Генриетта? Зачем так визжать спозаранку?!

– Т-там! Э-это... – прозаикалась сестра и, набравшись воздуха, как выкрикнула в длинное ухо брата:

– Чёрт за дверью, там точно чёрт! Маленький, юркий, всю ночь стучал в дверь!

– Чёрт? – переспросил фермер, славно смеясь и потирая глаза спросонья. Генриетта на мгновение почувствовала всю неловкость ситуации и смутилась. Фермер же, покачиваясь из стороны в сторону своим выпирающим из-под коричневато-бежевого камзола животом, спустился вниз и, вздрогнув от повеявшего холода, открыл несчастную дверь. В двух метрах от него лежал, скукожившись на замёрзшей полой лужице, Йохан – он более не выглядел как человек, а скорее был похож на ничем не примечательный сугроб, навеянный ночью чарующей беленой. Фермер ужаснулся, завидев это зрелище, но не подал вида – мигом натянул на свои широкие панталоны длинные, блестящие чёрным золотом сапоги и двинулся помогать бедолаге. Этот крупный человек с лёгкостью взвалил на себя хилого Йохана и ввёл его в дом.

– Генриетта, хватит задом махать, не видишь что-ли – человек замёрз, неси вино, согреть нужно! – выкрикнул фермер, разувая нежданного гостя и набрасывая на него с полки шерстяные вещи.

– А вино какого года, милый?

– Тьфу на тебя. Любого! Любое неси...

Хозяйка заойкала да заохала, заметавшись по широкой кухне, стала искать бокалы для вина и само вино, пока в это же время фермер аккуратно сопровождал полумёртвого Йохана в левое крыло здания, где находилась просторная аккуратная комната усопшего Франца. Она была полностью оклеена дорогими чёрно-белыми обоями, имитировавшими парчовую ткань с металлической блестящей вышивкой. Роскошная кровать, на которую фермер возложил Йохана, была непомерно огромна и занимала почти всё тугое пространство красным пятном с элементами художественного стиля ампир, где изголовье также было украшено золотом. Стояли и высокие тумбы по обе стороны кровати, и огромный, с раритетным рисунком по краю, шкаф. Больше ничего примечательного в этой комнате не было, может, лишь небольшое овальное зеркало возле выхода, и, впрочем, прямо над проходом виднелись английские миниатюрные часы – круглые, показывающие однотонным тиком ровно девять часов.

В момент, когда фермер укладывал промёрзшего до костей Йохана, послышался ломаный лестничный скрип – Генриетта поднималась. А когда поднялась, то чуть не разлила из-за высокого порожка винное содержимое серого керамического стакана. Она подала его брату, а тот, усевшись на круглый миниатюрный стул, стоящий рядом с массивным шкафом, поблагодарил сестру и попросил на неопределенное её удалиться из комнаты. Фермер с Йоханом остались наедине, и последний, немного очокувшись от дремоты, с полуоткрытыми глазами осмотрел своё роскошное окружение и, осознав, что это пока не рай, заметил своего спасителя. Он увидел перед собой низкорослого, ниже, чем сам Йохан фермера, облачённого в старый узкий камзол, украшенный белыми манжетами и острым воротником с кружевами.

На его наряде было уйма складок и каких-то пятен. Множество нитей торчали на плечах, белая майка нагло прокрадывалась под богатым антуражем, а маленькая золотая, еле заметная брошь, в форме игривого оленёнка, была слегка наклонена в сторону. Этим нарядом фермер больше походил на престарелого снегиря, чем на богатого селезня. Количество заклёпок камзола зашкаливало, а утолщённые валики на плечах придавали богатый, но фальшивый вид, ведь плечи фермера не иначе как были гораздо уже и хилей; на них лежали кудряво-волнистые светлые, как поле ржи, волосы, сухие и неухоженные. Фермер тяжело дышал, и его большой живот поднимался и опускался с каждым тяжёлым вдохом и выдохом. Но тем не менее фермер сильно истощился и исхудал за вчерашний нервный день утраты, и вдобавок показалось, что его локоны поседели с боков, уж подозрительно мало там было волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.